

АЙЛИНА
Якуба

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ РОМАН

ВЕРНУТЬ СЕМЬЮ
ОНА ТЕБЯ *Айлина Якуба*

Айлина Якуба

Вернуть семью. Она тебя украла

«Литнет»

2025

Якуба А.

Вернуть семью. Она тебя украла / А. Якуба — «Литнет», 2025

Когда я приехала к подруге, которая приболела, то не ожидала увидеть самую страшную картину в моей жизни...— Гульнар, стой. Не торопись, я хочу увидеть тебя полностью, — звучит голос моего мужа.— Давай быстрее, Наильчик, я уже вся горю до невозможности, — тут же отзывается голос Гульнары. Моей лучшей подруги! Дохожу до спальни. Дверь приоткрыта, но мне достаточно видно, что именно там происходит. На кровати лежат... мой муж Наиль и моя лучшая подруга. Обнажённые!_____Мы развелись, и я больше никогда их не видела. Но однажды судьба свела нас снова. Это произошло из-за ужасной аварии, в которую попали оба предателя...Книга участвует в Литмобе «Вернуть семью»;

© Якуба А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Визуализация	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	51
Глава 15	53
Глава 16	55
Глава 17	57
Глава 18	59
Глава 19	61
Глава 20	63
Глава 21	65
Глава 22	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Глава 1

Алина

Рабочий день наконец-то закончился. Выхожу из бутика одежды, где работаю администратором. Воздух уже вечерний, прохладный. Я устала, но мысли сейчас не об этом. Я вспоминаю звонок Гульнары утром. Голос у неё был слабый, хриплый. Она сказала, что заболела, температура, горло болит. Гульнара – моя подруга, мы вместе работаем. Ближе у меня никого нет.

«Надо помочь», — думаю я.

Не предупреждая Гульнару, направляюсь в ближайшую аптеку. Беру жаропонижающее, леденцы от горла, витамины. Потом заскакиваю в магазин и кафе: фрукты, йогурты, чай, куриный бульон в банке. Пакеты становятся тяжёлыми. Но Гульнара одна, помочь некому. И своей подруге мне совершенно не жалко.

Еду к ней. Её дом старый и без лифта. Но где бы моя не пропадала. Я поднимаюсь по лестнице, переставляя пакеты. Пятый этаж. Дышу тяжело. Подхожу к двери квартиры Гули и вижу: дверь приоткрыта совсем чуть-чуть.

«Странно», — мелькает мысль. Может, ждала кого-то? Или выходила и забыла закрыть? Я не стучу, а осторожно толкаю дверь и заглядываю в прихожую.

Сразу бросаются в глаза мужские туфли, очень дорогие и стильные. И... до боли знакомые. Такие же носит мой муж, Наиль.

Я замираю на пороге. Сердце вдруг начинает биться чаще. И здесь в память врезается слова Гули о новом ухажёре.

«А, понятно. Это же тот новый знакомый Гули, о котором она взахлёб рассказывала. Приехал навестить больную. Как мило», — улыбаюсь самой себе, представляя мужчину, который суется вокруг больной Гульнары.

Мне становится неловко. Я пришла не вовремя, и надо было всё-таки позвонить. Они наверняка вдвоём, может, ухаживает за ней, а я тут с пакетами. Надо тихо оставить покупки и уйти. Не мешать влюблённой парочке.

Я хочу поставить пакеты на пол возле тумбочки, но в этот момент слышу голос. Мужской, глубокий, бархатный голос. Тот самый, от которого у меня всегда мурашки по коже.

Голос Наилья?!

— Гульнар, стой. Не торопись, я хочу тебя увидеть голенькой.

Я как статуя замираю, не веря услышанному. Будто ледяная вода обливает меня с головы до ног. Ноги становятся ватными.

Не может быть. Это просто сон, наваждение. Я неправильно услышала. Но нет... Это он мой муж. В квартире моей больной подруги.

— Давай быстрее, Наильчик, я уже вся горю и мокрая до невозможности, — тут же отзывается голос Гульнары. Весёлый, игривый и совсем не больной.

Мир вокруг меня плывёт. Звуки приглушаются, остаётся только гул в ушах. Я не осознаю, что делаю. Мои ноги, будто сами по себе идут по коридору. Туда, откуда доносятся голоса. Дохожу до спальни. Дверь приоткрыта, но мне достаточно видно, что именно там происходит.

Вижу то, от чего сжимается всё внутри. Гульнара на кровати, обнаженная, стоит на коленях. Её тело гибкое, загорелое изгибается, демонстрируя свои прелести. А на кровати лежит... мой муж Наиль. Он полулежит, опираясь на локоть, а его взгляд... Я никогда не видела у него такого взгляда. Похотливый, жадный, горящий и возбуждённый. Он медленно скользит глазами по Гульнаре, как будто рассматривает дорогую покупку. На его губах играет самодовольная улыбка.

— Всё, хватит, я уже не могу, — кокетничает Гульнара. — Так скучала по тебе, ты просто не представляешь. Каждый вечер самоудовлетворялась, представляя тебя. А ты... — она надувает губки, делая обиженное лицо, — ...всё это время был с ней...

Она наклоняется к Наилу, явно собираясь его поцеловать. И в этот момент он резко подаётся вперёд и переворачивает Гульнару на спину. Она в ответ охает и смеётся игриво. Наиль сильными руками разводит её ноги и...

Я не могу дышать. Сердце колотится где-то в горле. Наиль, мой любимый, самый родной человек... Что ты творишь?

Он с каким-то звериным рыком толкается бёдрами между женских ног. И это не похоже на чистую и светлую любовь, это животная страсть, похоть. Гульнара вскидывает голову и издаёт протяжный, хриплый стон наслаждения. Наиль начинает двигаться быстро, жёстко и с какой-то звериной жадностью. Его тело напряжено, на спине играют мышцы. Он вколачивается в неё, как будто хочет разорвать.

— Бля-я-я-я, Гулечка, как в тебе приятно! — выдыхает он сквозь зубы.

Я больше не могу это видеть. Не могу слышать эти звуки. Комок подкатывает к горлу, а руки дрожат. Пакеты, которые я всё ещё держу, выскальзывают из ослабевших пальцев. Они падают на пол с оглушительным грохотом. Разбивается банка с бульоном. Фрукты катятся по полу.

Шум мгновенно обрывает происходящее на кровати. Двое резко поворачивают головы в мою сторону. Наши глаза встречаются.

Мои глаза полны слёз. И сквозь пелену вижу только Наиля. Его лицо... Сначала на нём застывает выражение дикого наслаждения. Потом глаза широко расширились. В них шок, ужас, паника.

— Чёрт! Алина! — вырывается у него хриплый крик.

Он вскакивает с кровати. Совершенно голый. Между ног у него всё ещё в полной боеготовности. И это последняя капля унижения и позора.

Он делает шаг ко мне, но останавливается, видимо, понимая, как это выглядит со стороны.

— Алина, любимая, как ты... — он запинается, не зная, что сказать.
Любимая? Интересно, а она кто?

Там визуал ---->

Визуализация

Приветствую всех в своей новинке! Представлю вашему вниманию визуал героев. История как всегда будет сложная, герои будут моментами бесить и противоречить, но я попробую распутать эту историю. ХЭ обещаю, но сама пока не знаю, как и с кем, много будет затруднительных ситуаций.

Галиева (Сайфуллина) Алина Артуровна (28 лет)

Галиев Наиль Рафисович (29 лет)

Валеева Гульнара Рустамовна (26 лет)

Глава 2

Алина

— Как я здесь? — заканчиваю я за него фразу. Голос мой звучит странно. Чужой, глухой и холодный. — Думала помочь подруге, которая заболела. — Я бросаю взгляд на Гульнару. Она судорожно натягивает на себя простыню, отворачивается ко мне спиной. — Но теперь поняла, что у неё за болезнь. Очень заразная, похоже.

Наиль стоит как истукан. Голый, жалкий. Он пытается прикрыться руками. Его лицо искажено паникой.

— Алин... — он снова пытается что-то сказать. Но слова не идут. Он видит мой взгляд, полной боли, предательства, омерзения.

— Прости меня, — наконец выдавливают он. Голос дрожит. — Я должен был раньше тебе сказать. Но всё боялся... обидеть.

Он делает паузу. Глощает. И произносит то, что добивает меня окончательно. То, после чего рушится весь мой мир:

— Алин... я полюбил Гульнару. И хочу быть с ней.

Ничего унижительного я ещё не слышала. Эта фраза звучит у меня в голове с иронией. Он просто констатирует факт. После того, что я увидела, эти слова показались мне жестоким ударом в самое сердце. Любит? Хочет быть с ней? После этой животной сцены?

Я чувствую, как почва уходит из-под ног. Внутри образуется пустота. Полная, оглушающая пустота. Будто кто-то вырвал всё моё нутро. Мир перевернулся, стал чёрно-белым. Звуки снова приглушаются.

Я больше не смотрю на них. Не вижу его растерянности, её смущения. Я медленно, очень медленно, поворачиваюсь спиной к этому кошмару. К этому ада, который ещё пять минут назад был просто квартирой моей подруги. И ухожу. Просто ухожу. Не бегу, не хлопаю дверью. Просто выхожу в подъезд и тихо прикрываю за собой дверь, оставляя позади обломки своей жизни.

Дверь подъезда захлопывается за мной с глухим стуком. Я стою на лестничной площадке. Тишина давящая и звенящая. Только бешеный стук моего сердца в ушах. Бум-бум-бум. Громко, как барабан. Я делаю шаг вниз. Ноги подкашиваются. Я хватаюсь за холодные перила, чтобы не рухнуть. Ещё шаг, и ещё. Кажется, я спускаюсь вечность. Каждый шаг отдаётся болью во всём теле. Боль не физическая. Глубже. Где-то в самой сердцевине, которую только что вырвали с корнем и растоптали.

Наконец, я вываливаюсь на улицу. Вечерний воздух бьёт по лицу. Свежий, обычный. Как будто ничего не случилось, и как будто мир не перевернулся. Эта обыденность — последняя капля. Комок в гортани разрывается.

Я отхожу от подъезда в тёмный угол двора, под раскидистую старую липу. И здесь меня накрывает. Волна горя, стыда, унижения и дикой, невыносимой боли. Я падаю коленями на холодную землю, хватаюсь руками за траву. Рыдания вырываются из груди с такой силой, что, кажется, я сейчас разорвусь изнутри. Громкие, некрасивые, захлёбывающиеся. Слёзы льются ручьями, смешиваются со слюзью, капают на землю. Я задыхаюсь. Моё тело трясёт, как в лихорадке.

— Почему, Наиль?.. За что? Гульнара... подруга... Предатели... Гады... — бессвязные слова, проклятия, стоны вырываются сквозь рыдания. Я бью кулаком по земле. Мне больно. Душевная боль такая острая, такая жгучая, что хочется кричать, рвать на себе волосы, биться головой о землю. Будто кто-то вонзил мне раскалённый нож в грудь и крутит его.

И сквозь всю эту боль, сквозь слёзы и ненависть, пробивается крошечная, глупая надежда. Вот сейчас. Сейчас он выбежит. Наиль. Бросится за мной. Схватит за руку. Будет

умолять о прощении. Скажет, что это ошибка, помутнение, и он любит только меня. Что Гульнара — ничто. Что он всё объяснит.

Я вытираю лицо рукавом, всхлипываю, пытаюсь успокоиться. Жду мужа у подъезда. Прислушиваюсь к каждому звуку: шагам, скрипу двери или его голосу.

Тишина. Гулкая, мёртвая тишина. Никто не выходит. Дверь подъезда не открывается. Никто не зовёт меня.

Надежда гаснет. Как спичка, брошенная в ледяную воду. На её месте новая волна отчаяния, ещё более чёрная. Он не пришёл. Он остался там. С ней. После того как я... застала их... Он выбрал её. Сразу без колебаний. Его слова: *«Я полюбил Гульнару и хочу быть с ней»* — звучат в голове снова и снова, как удары молота.

Мне холодно. Дрожь пробирает до костей. Надо ехать. Надо убраться отсюда. Пока они не вышли и я не увидела их снова вместе.

Я поднимаюсь, ноги почти не слушаются, они ватные. Иду к своей машине, припаркованной неподалёку. Залезаю внутрь и запираю двери. И снова начинаю плакать. Теперь уже тише и безнадежно. Я включаю зажигание. Машина заводится. Знакомый гул двигателя. Мы столько раз ездили с Наилем вместе... Куда угодно. Да и просто так. Потому что нам было хорошо вдвоём.

А теперь я еду домой, в нашу квартиру, которая уже не «наша». Которая теперь только «моя». Или... чья?

Дорога мелькает за окном: огни фонарей, витрин. Всё как обычно, каждый будний день. Только я — не я. Я разбитое корыто, пустая оболочка.

Подъезжаю к дому. Паркуюсь на привычное место. На автомате захожу в подъезд и поднимаюсь на лифте. Выхожу на пятом этаже, вставляю ключ, поворачивая в замке. Звук такой знакомый, родной, когда открываю дверь.

Меня встречает полная, гнетущая тишина пустой квартиры. Я включаю свет в прихожей. На вешалку вешаю своё пальто, снимаю ботфорты на невысоком каблуке. Мой взгляд напарывается на домашние тапки Наиля, стоящие аккуратно рядом с моими. Также его куртка висит на крючке. Будто мой муж просто вышел в магазин и вот-вот вернётся. Будто ничего не случилось.

Я хватаю его тапки и швыряю их в угол. Сдёргиваю куртку с вешалки и бросаю на пол. Но этого мало, совсем мало.

Я иду по квартире. Прохожу в гостиную, там стоит наш диван, на котором мы вечерами смотрели кино обнявшись. Дальше кухня и стол, где завтракали вместе. Любимая кружка Наиля стоит в сушке. Я хватаю её, и со всей силы швыряю в стену. Фарфор разбивается с грохотом, осколки летят во все стороны. Немного легче, но боль внутри не утихает.

Я иду в спальню. Смотрю на нашу кровать, аккуратно застеленная утром мной. С любовью. Теперь она кажется мне осквернённой, даже если он... с ней... не здесь. Сам факт его существования, его предательства оскверняет всё. Всю нашу жизнь здесь.

И тут истерика, которую я еле сдерживала, вырывается наружу с новой, чудовищной силой. Я падаю на кровать, вцепляюсь в подушку, которая до сих пор пахнет его шампунем. И начинаю кричать. Кричать в подушку, одеяло, пустоту. Долгим, безумным, душераздирающим криком. Криком полной боли, предательства, ненависти к нему, к ней и к себе.

— А-а-а-а-а! Гады! Твари! Как вы могли! Как ты мог, Наиль! Я тебе верила! Любила! Гульнара! Подруга! Сука! А-а-а-а-а!

Я бью кулаками по матрасу и подушке. Рву на себе блузку, чтобы избавиться от удушливого состояния. Волосы прилипли к мокрому от слёз и пота лицу. А в груди такая сильная боль, что, мне кажется, я сейчас сойду с ума. Физически больно дышать. Спазмы сжимают желудок. Хочется выть, кататься по полу, биться головой о стену, лишь бы это прекратилось. Лишь бы вырвать эту боль, это предательство из себя.

Я почти лезу на стену от этой невыносимой муки. Как будто меня живьём рвут на части, словно сломали позвоночник и оставили умирать в одиночестве.

И так часами. Истерика сменяется глухим, безнадежным рыданием. Рыдание новым приступом бессильной ярости. Я не сплю. Просто не могу спать. Мысли путаются, крутятся вокруг одного: он и она вместе сейчас. Наверное, обсуждают меня. Смеются? Жалеют?

Им всё равно.

Я беру в руки телефон, но экран чист. Ни одного пропущенного звонка, не одного сообщения от него. Ничего. Полное молчание. Он даже не поинтересовался, доехала ли я. Не попытался объясниться. Ни-че-го. Я будто исчезла. Пять лет брака, наша любовь — всё это кажется сном, который ему наскучил.

И тогда я начинаю вспоминать, лихорадочно, отчаянно. Когда? Когда это началось? Когда он перестал быть моим Наилем?

И всплывает день моего рождения. Месяц назад? Нет, полтора. Я пригласила Гульнару. Она была так мила, весела. Помогала накрывать на стол. Шутила с Наилем. Он тогда улыбался, шутил в ответ. Казалось, всё хорошо.

Но потом... После этого дня что-то изменилось. Он стал другим. Гораздо больше уставать после работы. Раньше он приходил, обнимал меня, рассказывал о пройденном дне. А потом просто молча ужинал и шёл к компьютеру или сразу спать.

«Устал, Алин. Тяжёлый день».

Секс стал реже. Раньше — страстно, часто. А теперь реже, без огня, как будто по обязанности. А потом и вовсе...

«Не сегодня, ладно? Очень устал».

Или просто засыпал раньше меня.

Дура! Какая же я дура!

Его постоянные задержки на работе.

«Работа, Алин, аврал. Пробки. Встретил старого друга, зашли выпить кофе».

Я верила, как идиотка влюблённая! Я же видела, что он не в духе, усталый. И я... я же рассказывала об этом Гульнаре! Своей «подруге»! Жалуюсь, что Наиль стал холодным и отстранённым. И то, что у нас проблемы.

А она... Что она говорила? Ах, да! Она качала головой, делала сочувственное лицо: «Ох, Алинка, это плохо. Может, ему действительно тяжело? Может, вам на время разойтись? Отдохнуть друг от друга? Иногда это помогает. Осознать, что вы друг без друга не можете». Она советовала дать ему «пространство». Ни давить, ни устраивать сцен. Быть «понимающей».

И я, дура доверчивая, слушала её! Пыталась «не давить». Давать ему «пространство». Пока он это «пространство» заполнял ею! Её телом, а также её пошлыми шёпотами! Она же настраивала меня и подталкивала к отдалению, чтобы ей было проще забрать моего мужа!

Как я могла быть такой слепой? Такое чувство, что все вокруг видели, знали. И только я, любящая дура, верила в своего мужа и свою подругу. Идиотка! Полная идиотка!

Утро. Серое, промозглое. Я не спала. Глаза опухшие, красные. Голова тяжёлая, будто налита свинцом. Я чувствую себя выжатой, разбитой. Пустой скорлупой.

Я беру телефон. Набираю номер начальницы бутика. Голос мой хриплый, совсем чужой.

— Алло, Марина Сергеевна? Это Алина. Я... я приболела сильно и сегодня не смогу. И завтра... вряд ли. Извините.

Она что-то говорит о выздоровлении, и о том, чтобы не беспокоиться. Я почти не слышу. Бросаю телефон на кровать.

Нет сил ни на что. Ни встать, ни умыться. Я просто лежу, уставившись в потолок. Внутри меня мёртвая пустыня после вчерашнего урагана боли. Осталась только тяжесть. И тихая, глухая ненависть.

И вдруг... Шум. В прихожей. Не просто шум. Стук ключа в замке. Поворот и щелчок, далее скрип открывающейся двери.

Сердце замирает, а затем начинает колотиться с бешеной силой. Кровь приливает к лицу. Нет, не может быть. Он? Он осмелился? Сейчас? После вчерашнего?

Шаги в прихожей тяжёлые, мужские и знакомые до боли. Они идут по коридору. Затем останавливаются. Наверное, Наиль видит свою куртку на полу. А также разбитую кружку в кухне. Полный хаос.

Шаги снова звучат. Только теперь ближе к спальне.

Дверь открывается.

Я не поворачиваюсь. Лежу на боку, отвернувшись к окну, спиной к двери. Но я чувствую его присутствие. Чувствую его взгляд на себе.

Тишина густая, неловкая. Он не говорит. Я не поворачиваюсь.

От автора: также приглашаю вас в наш литмоб "Вернуть семью"<https://litnet.com/shrt/ZJuR>

НЕВЕРНЫЙ МУЖ ГОТОВ НА ВСЕ ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ СЕМЬЮ

#ВЕРНУТЬ СЕМЬЮ_ЛИТ

Глава 3

Алина

Я лежу, отвернувшись к окну и спиной к мужу. Но его присутствие я ощущаю каждой клеточкой тела. Также чувствую взгляд на своей спине и запах — одеколон, смешивающийся с чем-то чужим, с её духами, вероятно. Это вызывает у меня невыносимую тошноту.

Тишина в спальне густая, липкая и пропитана кошмаром вчерашнего дня, а также тяжёлая, как бетонная плита. Перед глазами до сих пор картина, как мой некогда любимый муж голый нависает над Гульнарой, с этим животным выражением удовольствия. Всё опять вспыхивает перед глазами с пугающей яркостью. Я сжимаю веки, но ужасная картинка не уходит, она выжжена на сетчатке.

Наконец, Наиль нарушает тишину. Голос хриплый, неуверенный, как будто он долго не разговаривал или много курил.

— Привет, — выдыхает он.

Слово режет, как нож.

«Привет»? После того, что было? После того как он разбил мою жизнь вдребезги? Я не отвечаю и не двигаюсь. Просто крепче сжимаю край одеяла в кулаке. Мои ногти впиваются в ладонь, но эта боль ничто по сравнению с тем, что творится внутри.

— Алин... — он делает шаг в комнату. Я слышу, как скрипнет половица под его весом. — Извини... — он запинаясь, ищет слова. — ...что так уродливо получилось. Я правда так не хотел. Хотел всё по-человечески, по-честному.

«По-человечески»? «По-честному»? Эти слова падают в тишину комнаты, как камни в болото. Где была его «человечность», когда он трахал мою подругу у меня за спиной? Где «честность», когда он врал о работе, об усталости? Яркий, пошлый образ его стояка вчера в спальне Гульнары всплывает в памяти, опровергая все его жалкие оправдания.

Я не выдерживаю, поворачиваю голову в его сторону. Не полностью, лишь настолько, чтобы видеть Наиля краем глаза. Он стоит в дверях и вид у мужа... виноватый, усталый. Но в глазах нет той глубины отчаяния и сокрушительной боли, которая разрывает меня изнутри. Он выглядит скорее неловко, пойманным, чем сокрушённым. Как мальчишка, которого застукали за шалостью, а не муж, разрушивший семью.

Холодная ярость поднимается во мне, вытесняя на мгновение боль. Голос мой звучит чужим, низким, пропитанным ядом:

— Но твой мужской прибор решил иначе?

Он вздрагивает, будто я его ударила. Его лицо искажает гримаса, то ли стыда, то ли раздражения.

— Алин, давай не будем скандалить, — он говорит тише, пытаясь успокоить, но в его тоне слышится усталое раздражение. — Давай... тихо, мирно разойдёмся.

Скотина! Как же я его сейчас ненавижу!

Тихо? Мирно? После вчерашнего ада? После его слов о любви к Гульнаре? Эти слова: «мирно разойдёмся», звучат как последнее, самое циничное издевательство. Будто он предлагает просто разъехаться по разным комнатам, а не похоронить пять лет жизни, доверия, любви. Во мне что-то рвётся.

Я зажмуриваю глаза так сильно, что перед ними вспыхивают искры. Сжимаю губы до боли. Глубокий, предательский всхлип рвётся из груди, но я с силой, почти физической, заталкиваю его обратно. Нет. Я не дам ему услышать мою слабость. Не дам ему удовольствия видеть, как он меня добил. Я должна быть сильнее. Сильнее его подлости, сильнее этой боли.

Переворачиваюсь на спину. Сажусь на кровати. Спина прямая, как струна. Смотрю на него прямо. В моём взгляде вся накопившаяся ненависть, презрение, ледяная злоба. Голос звучит резко, металлически, без тени дрожи:

— Можешь прямо сейчас мирно убираться из нашей квартиры. — Я делаю ударение на слове нашей, подчёркивая, что для меня она больше не такая. — И не надейся на неё. Здесь буду жить я. А ты проваливай к ней. К своей потаскушке.

Он вздыхает, проводит рукой по лицу. Усталость на его лице становится явственнее.

— Успокойся, пожалуйста, Алин. Я и так не собирался отбирать у тебя квартиру. Оставайся здесь, — говорит он спокойно, почти равнодушно.

Это спокойствие и эта лёгкость, с которой он отдаёт квартиру, будто скидывает с плеч ненужный груз. Всё это не приносит облегчения. Наоборот, становится ещё больнее, ещё унижительнее. Как будто я нелюбимая вещь, от которой он избавляется без сожаления, лишь бы поскорее закончить этот неприятный разговор. Наши общие стены, наша мебель, всё, что было наполнено смыслом, вдруг обесценивается до уровня обстановки, которую можно просто оставить. А я... я часть этой обстановки, которую тоже можно оставить.

Вспыхнувшая боль сжимает горло, но я глотаю болезненный ком, пытаюсь заглушить.

Наиль делает ещё шаг вперёд. Его глаза смотрят на меня не с мольбой, а с каким-то странным... оправданием?

— Я честно тебе признаюсь, — начинает Наиль. И в голосе мужа появляются нотки той страсти, которую видела вчера на его лице. — Я полюбил Гульнару. И не смог совладать своими чувствами. Она... — он делает паузу, и на его губах появляется почти неуловимая улыбка, — ...будто вдохнула в меня энергию. С ней я почувствовал себя другим человеком. Живым.

Каждое его слово, новый сокрушительный удар: «Полюбил», «Энергию», «Другим человеком», «Живым». Значит, со мной он был мёртв? Значит, все наши годы — это сон, тень? Значит, я душила мужа, гасила эту его «жизнь»?

Боль смешивается с яростью, образуя взрывоопасную смесь. Он стоит здесь, в нашей спальне, и с воодушевлением рассказывает мне о любви к женщине, которую я считала подружкой! Это уже не просто предательство. Это плевок в душу. Унижение.

— ЗАТКНИСЬ! — крик вырывается из меня с такой силой, что, кажется, дрогнули стены. Я вскакиваю с кровати. Вся дрожу от неконтролируемой ярости. — Убирайся, скотина! — кричу я ему в лицо. — Чтобы твоего духа здесь больше не было! Чтобы я тебя никогда, слышишь, НИКОГДА не встречала! А своей потаскушке передай, что может не приходиться на работу! Пусть пишет заявление по-собственному, иначе я это сделаю сама! И тогда для неё последствия будут серьёзными! — Я задыхаюсь от гнева. Мысль, что Гульнара будет продолжать работать рядом, рядом со мной, невыносима.

Он смотрит на меня с каким-то странным спокойствием, даже с жалостью. Эта жалость, как бензин в огонь, вспыхивает моментально.

— Ты этого не сделаешь, Алин, — говорит он тихо, но уверенно. — Ты не такая.

«Не такая». Он всё ещё верит, что знает меня? Что я та самая тихая, доверчивая Алина, которая проглотит любое унижение?

Бешеная энергия бьёт через край. Истерика, которую я сдерживала из последних сил, прорывается наружу с разрушительной силой.

— Ты меня совсем не знаешь! — визжу я, слёзы, наконец, прорываются, горячие и яростные. — Как оказалось, и я тебя! Видеть тебя больше не могу! Проваливай! ПРОВАЛИВАЙ!

Я больше не думаю, не контролирую себя. Вижу только его лицо. Лицо предателя. Срываю с тумбочки первую попавшуюся вещь: тяжёлую стеклянную вазу для цветов (подарок его матери!), и швыряю в него изо всех сил.

Наиль резко отскакивает в дверной проём. Ваза с грохотом разбивается о косяк, осколки летят во все стороны.

— Алина! Прекрати! — кричит он, но в его голосе больше испуга, чем гнева.

Но я уже не слышу. Я хватаю книгу, потом декоративную подушку, потом просто срываю с вешалки его халат и швыряю ему под ноги.

— ВОН! ВОН ОТСЮДА! НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!

Наиль отступает в прихожую, уворачиваясь от летящих в него предметов. Его лицо бледное, растерянное.

— Ладно! Ладно, я уйду! — кричит он, прикрываясь рукой. — Но я вернусь за вещами! Ты слышишь? Я вернусь!

— ЗНАЮ! ЗНАЮ, ЧТО ВЕРНЁШЬСЯ! ТВАРЬ! — ору я ему вслед, хватая со столика для завтраков в спальне его чашку (очередную!). Муж уже исчезает в прихожей. Я слышу, как он резко открывает входную дверь и выскакивает на лестничную площадку. Следом хлопает дверь.

Я стою посреди спальни, дрожа всем телом, как в лихорадке. Дышать нечем. В глазах темно. В ушах звон. По щекам текут горячие, солёные слёзы гнева и беспомощности. Осколки вазы на полу блестят, как слёзы самой квартиры.

И вдруг... резкая, спазмируются боль внизу живота. Такая сильная, что я вскрикиваю и сгибаюсь пополам. Руки инстинктивно хватаются за живот. Что это? От нервов? От истерики? Но боль не отпускает. Она тупая, давящая, волнообразная. Я еле дохожу до кровати и падаю на неё.

И здесь я вижу на светло-серой простыне подо мной... яркое, алое пятно. Оно быстро расплзается.

Ледяной ужас сковывает меня. Боль в животе, кровь... Это... это не просто нервы. Что-то не так. Очень не так.

От автора: Спасибо огромное вам, мои читатели, за поддержку новинки! И мы двигаемся дальше.

Глава 4

Алина

Больше ничего не помню толком. Помню только резкий запах медикаментов, яркий свет ламп над головой, тряску кареты скорой и холодную панику, сжимавшую горло. Помню голос фельдшера, спокойный, деловой: *«Дышите, девушка, дышите глубже. Сейчас поможем»*.

Потом белые стены больничного приёмного отделения. Вопросы, на которые я отвечала автоматически: дата рождения, адрес, аллергии, последние месячные... Здесь я замялась, задумалась. И поняла с ужасом: задержка. Небольшая, дня три. Я списала на стресс из-за охлаждения Наиля. О боже...

Потом кабинет УЗИ. Холодный гель на живот, следом датчик. И гнетущее молчание врача, вглядывающегося в экран. Потом её взгляд на меня, осторожный, оценивающий.

— Беременны, — коротко сказала она. — Срок маленький, пять-шесть недель. Но тонус высокий, и есть угроза выкидыша. Отсюда и кровотечение.

Беременна...

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. В голове мгновенно смешались обрушившиеся друг на друга чувства: дикий, первобытный ужас: ребёнок? Сейчас? От него? Крошечная искорка чего-то тёплого, нежного: мой ребёнок... И тут же ледяная волна отчаяния и гнева: ребёнок предателя! Ребёнок, зачатый, пока он уже мечтал о другой!

Меня положили в палату. Затем капельница, уколы и строгий постельный режим. Лежать, не вставать. И остаётся думать, что внутри меня новая, маленькая жизнь. Жизнь, возникающая от любви, которой больше нет. Из доверия, которое растоптано. Я кладу руку на ещё плоский живот, пытаюсь что-то почувствовать. Но ничего. Только пустота внутри и страх снаружи.

Телефон разрывался от звонков. И это Наиль. Он не переставал звонить. Видимо, вернулся за вещами, нашёл квартиру пустой, следы крови, скорой? Да уже неважно. Я видела его имя на экране, и каждый раз перед глазами картина, как мой любимый муж нависает над Гульнарой, а его глаза, полные животного наслаждения, всплывают передо мной с пугающей чёткостью. Сердце сжимается от новой волны боли и унижения. Я не беру трубку. Просто не могу. Не хочу слышать голос Наиля, его оправдания или, что ещё хуже, равнодушие. Он убил всё, что было между нами. Зачем теперь эти звонки? Чтобы убедиться, что я не умерла? Чтобы успокоить совесть? Я отключаю звук, переворачиваю телефон экраном вниз. Пусть звонит в пустоту, как я сейчас.

На следующий день в палату заходит лечащий врач, Наталья Юрьевна. Ей около пятидесяти лет. У неё умные, но усталые глаза. Врач садится на стул рядом с моей кроватью.

— Ну как самочувствие, Алина? Больше не кровит?

— Нет, — тихо отвечаю я. — Только тянет немного.

— Это тонус. Он у вас очень высокий, — говорит она со всей серьёзностью. — Ситуация сложная. Вы молодая, срок маленький, организм в сильном стрессе... — Она смотрит на меня прямо, и мне становится тревожно от её вступления. — У вас, по сути, два варианта.

Моё сердце замирает. Я примерно догадываюсь, о чём она скажет. Но услышать это страшно.

— Первый, — продолжает Наталья Юрьевна, — прервать беременность сейчас, пока срок позволяет. Учитывая ваше физическое состояние, и, я вижу, моральное — это будет... менее травматично для организма. Выносить будет очень сложно, высок риск выкидыша или преждевременных родов с осложнениями для вас и малыша.

Она делает паузу, давая возможность переварить мне полученную информацию. Я молчу, сжав кулаки под одеялом. Прервать? Уничтожить эту крошечную жизнь внутри меня? Из-за подлости мужа? Из-за мерзости Наиля и Гульнары?

— Второй вариант, — голос врача становится мягче, но не менее твёрдым, — если вы решите сохранить беременность, но это не просто слова. Это строжайший постельный режим. Минимум движений. Никаких стрессов. Никакой работы «на ногах». Если работаете, то только удалёнка или долгий больничный, вплоть до декрета. Полный отказ от всего, что может спровоцировать тонус: долгие прогулки, поездки, мероприятия. Постоянное наблюдение у врача, возможно, даже госпитализация. Это будет очень тяжело. И физически, и морально. Вы готовы на это?

Тишина в палате звенит. Я смотрю в потолок. Мысли путаются.

Ребёнок... Его ребёнок. Ребёнок от мужчины, предавшего меня самым жестоким образом. И который выбрал другую. И безжалостно разрушил мою веру во всё светлое. Зачем мне его ребёнок? Чтобы всю жизнь видеть в нём черты отца? Чтобы быть привязанной к Наилю навсегда? Чтобы он мог в любой момент прийти и потребовать права?

Но... это же МОЙ ребёнок тоже. Часть меня. Невинный, ни в чём не повинный человечек. Мы с Наилем думали о детях, но решили повременить. Получается, что мечтала только я? Мечтала о маленьком тёплом комочке, о его смехе, первых шагах... Разве этот малыш виноват в том, что его отец подлец? Разве заслуживает смерти только из-за поступков взрослых?

Глубокий вдох, выдох. Я поворачиваю голову к Наталье Юрьевне. Её взгляд спокоен, без осуждения, только вопрос.

— Я сохраню, — говорю я тихо, но твёрдо. — Я сохраню беременность. Делайте что нужно.

В её глазах мелькает что-то – уважение? Сожаление?

— Хорошо, — кивает она. — Тогда начинаем бороться. Главное – полный покой. Никаких нервов. Это сейчас важнее всего. Предупредите родных? Мужа?

Слово «мужа» режет, как нож. Только от этого слова вызывает оскомины на зубах.

— Нет, — отвечаю я резко. — Мужу знать не обязательно. Мы... расстаёмся, и очень плохо. Я не хочу его видеть, и не хочу, чтобы он знал. Имею я право?

Наталья Юрьевна смотрит на меня внимательно, видит боль в моих глазах.

— Имеете, — говорит она просто. — Это ваше решение. Но помните, он отец ребёнка. Юридически имеет полное право знать. Хотя бы позже...

— Позже будет позже, — перебиваю я. — Сейчас я не хочу. Он не должен знать.

Она вздыхает, но не настаивает.

— Хорошо. Оформляю вам больничный. Лежите, отдыхайте и соблюдайте режим. Вызове кого-то помочь? Маму, сестру?

— Вызову, — киваю я. — Маму.

И только маму.

От автора: Представляю вашему вниманию историю нашего литмоба "Вернуть семью" - Лада Зорина и её книга *"Вернуть семью. Я вас не отпускал"*

<https://litnet.com/shrt/oFAs>

Глава 5

Алина

Две недели в больнице пролетели как один долгий, монотонный день. Капельницы, уколы, таблетки. Только лежать и смотреть в потолок. Думать, думать. Бороться с тоской, гневом и бесконечными вопросами «почему?». Иногда позволяла себе мечтать о малыше. Представляла крошечные ручки, ножки и пухлые щёчки. И тут же страх. Страх не выносить. Страх родить больного. Страх остаться одной с ребёнком. Страх встречи с Наилем.

Но решение было твёрдым. Я сохраню этого ребёнка. Для себя, не для Наиля. Он потерял на это право.

Сегодня пятница и день моей выписки из гинекологического отделения. Из больницы меня забирает мама, на своей старой ауди.

Машина мягко покачивается на поворотах, увозя меня от больницы, этого места, где пахло болью и страхом. Рядом за рулём мама: маленькая, хрупкая, но с тем самым стальным стержнем внутри, о котором все всегда говорят. Она примчалась по первому моему звонку, не задавая лишних вопросов ни врачам, ни мне. Просто забрала.

Я молчу, уставившись в мелькающие за окном витрины и разноцветные билборды. В горле стоит ком, и каждый вдох даётся с трудом. Тишина в салоне становится невыносимой, которая давит на уши и виски. И я не выдерживаю. Слова вырываются сами, тихие, надтреснутые, а потом всё быстрее и громче. Я выкладываю всё. Всю правду, всю грязь. Про Гульнару и про ту сцену в её квартире, что навсегда врезалась в сетчатку глаза. Про слова Наиля, его признание в любви к моей подруге. И про беременность, которая чуть трагично не оборвалась. И моё твёрдое решение насчёт ребёнка, которого я, стиснув зубы, буду держаться всеми силами, несмотря ни на что.

Мама слушает меня молча. Её руки так крепко сжимают руль, что костяшки пальцев белеют. Я вижу, как напряжена её челюсть, как вздрагивает мускул на щеке. Когда я заканчиваю, повисает тяжёлая пауза, и лишь шум колёс по асфальту заполняет пространство салона.

— Сволочи, — наконец выдыхает она, и в этом слове столько холодной, концентрированной ненависти, что я невольно вздрагиваю. — Оба. И он, и эта... тварь подлая. — Мама резко, почти грубо, поворачивает на нашу улицу. — Ничего, доченька. Ничего. Выживем. Выживем втроём. — Она бросает на меня быстрый взгляд, и в нём — целая вселенная материнской боли, ярости и бесконечной, всепоглощающей любви. — Ребёночка сохраним. А этих... к чёртовой матери. Ты права, Наилу знать нечего. Ни о ребёнке, ни о тебе больше. Он сделал свой выбор. Пусть живёт с ним. И с совестью, если она у него есть.

Материнские слова и её искренняя, безусловная поддержка стали опорой для моего израненного сердца. Я не одна. Я не одна.

— Мам, ты же не скажешь ему? Никогда? — мой голос предательски дрожит, выдавая всю мою уязвимость.

— Клянусь тебе, Алина, — она говорит твёрдо, паркуя машину у знакомого подъезда. — Ни слова. От меня он ничего не узнает. Это твоя тайна, твой ребёнок и твоё решение.

Мы поднимаемся в квартиру. Мама несёт мои нехитрые больничные пакеты. Я иду медленно, осторожно, держась за перила, всё ещё ощущая слабость во всём теле и странную, тянущую тяжесть внизу живота. Настроение — клубок противоречий: облегчение оттого, что вырвалась из больничных стен, щемящая тревога перед возвращением в «место преступления», едкая горечь и... какая-то новая, хрупкая решимость.

Открываем дверь. Квартира встречает нас тишиной и... неестественной чистотой. Мама, видимо, приезжала убраться. Ни осколков разбитой вазы, ни валявшейся где попало его

куртки. Всё вымыто, прибрано, расставлено по полочкам. Но пустота не физическая. Она висит в воздухе, осязаемая и густая. Отсутствие его присутствия звенит в ушах.

Захожу в спальню. Постель накрыта свежим, морозным бельём. Но знаю, что под ней матрас, на котором я рыдала и поднималась, испачканная кровью. Спазм сжимает грудь, и я резко отворачиваюсь.

Потом иду на кухню, чтобы поставить чайник. И здесь вижу на столе, аккуратно прислонённая к сахарнице, лежит сложенная пополам записка. Бумага узнаваемая, из его блокнота для рабочих заметок.

Сердце проваливается куда-то в пятки. Рука сама тянется к ней, почти против моей воли. Разворачиваю. Его почерк. Неровный, торопливый.

«Алина».

Был дома. За вещами. Не нашёл тебя. Вещи забрал (только свои, твои не трогал). Квартиру прибрал, осколки убрал. Постарался навести порядок.

Не могу дозвониться. Очень волнуюсь. Где ты? Что случилось? Скорая? Я видел следы... Всё ли с тобой в порядке? Пожалуйста, как прочтёшь — позвони. Любой ценой. Я волнуюсь.

Звонил твоей маме, Розе Римовне. Она сказала, что ты у неё не была и не в курсе, где ты. Что с тобой, Алин? Отзовись, пожалуйста.

Наиль».

Перечитываю дважды. «Волнуюсь». «Очень волнуюсь». «Пожалуйста, позвони». После двух недель молчания? После того как оставил одну с разбитым сердцем и кровотечением? После своего признания в любви к Гульнаре? Это что, приступ запоздалой совести? Или он боится, что я что-то с собой сделаю, и ему потом отвечать? Или... может, Гульнара уже накутила?

Злость поднимается во мне, холодная и острая, как лезвие. Он не имеет права волноваться! Не имеет права притворяться заботливым! Он навсегда потерял это право, когда засунул свой язык в рот моей подруги!

Не сдерживаюсь и со всей злостью комкаю записку в тугую, злой шарик. Подхожу к мусорному ведру под раковиной и швыряю туда, сверху придавив влажным, использованным пакетиком чая. Чтобы не видно было даже клочка этой злосчастной бумаги. Чтобы стереть даже намёк на его фальшивое «волнение».

— Мам, — звучу я, возвращаясь в коридор, где мама развешивает свою куртку. — У тебя есть номер нормального мастера? По замкам. Нужно поменять замки на входной двери. Сегодня же.

Мама поворачивается, и её глаза понимают все без единого слова. Она кивает, тут же доставая телефон.

— Сейчас позвоню. Найду. Не волнуйся.

Пока мама договаривается, я набираю номер адвоката. Голос в трубке звучит на удивление твёрдо и ровно:

— Алло, Дмитрий Валентинович? Говорит Алина Галиева. Мы созванивались в прошлый раз. Да, я готова. Подавайте заявление на развод через суд. Без моего присутствия на предварительных слушаниях, если возможно. Я не хочу видеть супруга. Да, без раздела имущества, кроме брачного договора на квартиру, она моя. Да, все документы вышлю электронно сегодня. Спасибо.

Вешаю трубку. Руки слегка дрожат, но внутри странное, почти беззвучное спокойствие. Шаг сделан, и точка невозврата пройдена. Больше никаких Наилей в моей жизни. Никаких Гульнар. Только я, мама и моё маленькое чудо под сердцем. Я должна защитить малыша любой ценой.

Мастер приезжает быстро. Его дрель оглушительно режет тишину в прихожей. Каждый раз, когда мастер стучит молотком и вбивает новый замок в дверь, я чувствую, как это отдаётся во мне. Я запираю дверь, а своё прошлое. Навсегда. И Наилю сюда вход запрещён.

Мама варит куриный бульон. Мы сидим на кухне, едим почти молча. Я чувствую себя выжатой, опустошённой, но... чистой. Как после долгого ныряния, когда, наконец, вырываешься на поверхность и делаешь первый глубокий вдох. Решение принято, и пути назад нет.

И вдруг разрезает тишину квартиры резкий, наглый звонок в дверь. Не один и не два, а три. Настойчивое, требующее.

Мы с мамой переглядываемся. Её глаза выражают тревогу, а в мои — леденящее узнавание. Я знаю, кто это. Узнаю по тому, как он всегда звонил, когда забывал ключи. Всегда нагло и нетерпеливо.

— Алина! Открой! Это я! Наиль! — его голос пробивается сквозь новую, ещё не обжившуюся дверь. — Я знаю, ты дома! На работе сказали, ты на больничном! Открой, поговорим, Алина!

Я замираю. Чашка с бульоном застывает в моих пальцах. Сердце бешено колотится в груди, но не от страха, нет. От гнева и острого, зудящего презрения. Как Наиль смеет? После всего? После его записки с лицемерными словами? После недель молчания? Он припёрся сюда, ломится в «мою» дверь, думая, что всё ещё имеет какое-то право?

Мама встаёт, её лицо становится каменным.

— Сейчас я ему... — начинает она, направляясь в прихожую.

— Нет, мам, — тихо, но с такой железной интонацией, что она останавливается, говорю я. — Не надо. Пусть звонит. Пусть орёт. Никто ему не откроет. Никогда.

Я ставлю чашку на стол и беру ложку. Зачерпнув бульона, подношу ко рту, игнорируя стук в дверь и голос Наиля.

Звонок повторяется. Ещё настойчивее и ещё громче. Голос Наиля за дверью звучит уже не требовательно, а почти отчаянно:

— Алина, пожалуйста! Я должен знать, что с тобой! Открой! Хотя бы скажи, что ты жива!

Я делаю глоток. Горячий бульон обжигает губы, согревая изнутри. Я не отвечаю и тем более не двигаюсь с места. Сажу за своим столом у себя дома и стараюсь не думать о том, что происходит за дверью. Там бьётся в истерике мой некогда любимый супруг, но для меня теперь это просто шум. Фоновым шумом заднего плана моей новой жизни. Сейчас охраняю свою тайну и своё будущее от этого человека.

От автора: следующий наш участник литмоба — Ася Петрова и Селин Саади с историей "Вернуть семью. Игра на чувствах"

<https://litnet.com/shrt/R5iL>

Глава 6

Алина

Солнце ослепляет после долгого нахождения в полумраке больничной палаты и затемнённой квартиры. Я сижу на старой деревянной скамейке у детской площадки и стараюсь дышать глубоко и ровно, как меня учила врач в больнице. Повторяю себе: спокойствие — это главное. Оно важнее всего для моего малыша. Но внутри всё сжимается от тревоги.

Держу в руках термос с маминым бульоном, и тепло, идущее от сосуда, немного согревает мои холодные ладони. Смотрю на пустые качели, которые покачиваются на ветру, и пытаюсь не думать о том дне, голосе за дверью, полном этой наглой, фальшивой тревоги. Наиль не волновался обо мне, он просто испугался последствий, возможного скандала, но не за меня, никогда больше за меня.

С мамой так и не впустили Наиля. Неверный муженёк недолго стучался, но вскоре сдался. С того дня прошло четыре дня, и он больше не появлялся и не звонил. Для меня это двоякое чувство: с одной стороны, я могу свободно вздохнуть и отпустить ситуацию, продолжая жить своей жизнью. Но с другой стороны, обида, такая жгучая, разъедает и не даёт расслабиться. Он сдался, убедившись, что жива? А там махнул рукой и пошёл дальше? Вот так, перечеркнув наш брак?

И мне жаль потраченные годы на него. Всё было впустую. Или нет?

Я кладу руку на свой плоский живот, скрытый под толстым свитером, и напоминаю себе: это моя жизнь, мой выбор, моё будущее. Отец моего ребёнка остался там, за запертой на новый замок дверью, в прошлом, а я здесь, на этом холодном солнце, и мне нужно просто дышать и держаться.

Вдруг по гравийной дорожке раздаются быстрые, лёгкие шаги. Они приближаются ко мне, и мне не хочется поднимать голову, я надеюсь, что человек просто пройдёт мимо. Но шаги замедляются и останавливаются прямо передо мной. Я чувствую на себе пристальный, неудобный взгляд и, наконец, поднимаю глаза.

Передо мной стоит Гульнара.

Она выглядит прекрасно в дорожных узких джинсах, модной куртке, с идеальной укладкой и макияжем. В руках у неё кофе в бумажном стаканчике. Гульнара кажется отдохнувшей, счастливой и абсолютно здоровой, без единого намёка на ту «болезнь», из-за которой я таскала ей пакеты с лекарствами и продуктами.

У меня внутри всё переворачивается, комок подкатывает к горлу, а сердце начинает биться с такой силой, что я инстинктивно прижимаю ладонь к животу, словно могу защитить его этим жестом.

— Алина, — говорит она, и её голос звучит неестественно мягко и осторожно. — Я увидела тебя из окна и решила подойти. Как ты?

Я не отвечаю, просто смотрю на неё, впиваясь взглядом в это красивое, наглое лицо. В глазах бывшей подруги я вижу ту же самодовольную уверенность, что была тогда, когда она лежала под моим мужем.

— Что тебе нужно? — спрашиваю я, и мой собственный голос кажется мне чужим, тихим и плоским.

Она ёжится под моим взглядом, отхлёбывает кофе и отводит глаза.

— Я хотела... поговорить. Объясниться. То, что ты видела... — она делает небрежный жест, — всё это как-то само получилось. Вышло очень неловко. Я не хотела причинить тебе боль, Алин, честно.

Слова «само получилось» повисают в воздухе, и меня тошнит от воспоминаний. Я снова вижу их сплетённые тела, слышу стоны её и Наиля. Это называется «само получилось»?

— Объясниться? — переспрашиваю я, и в голосе проскальзывает усталая горечь. — Какие могут быть объяснения, Гульнара? Ты переспала с моим мужем. В твоей же квартире. В то время, когда я, дура, считала тебя подругой и пыталась помочь, думая, что ты больна. Ты хотела его и получила. Мои поздравления, — горько улыбаюсь Гульнаре.

По её лицу расползаются красные пятна, но в глазах я читаю не стыд, а раздражение.

— Не надо так всё упрощать, Алина! — в голосе Гульнары прорываются знакомые нотки наглости. — У вас с Наилем и так всё было плохо! Ты же сама постоянно жаловалась, что он тебя не хочет! Я просто... подобрала то, что ты сама не смогла удержать!

Её слова «подобрала» и «не удержала» падают на меня, как удары. Получается, это я во всём виновата? Мои откровения с подругой стали для неё инструкцией, как украсть моего мужа? Гнев вспыхивает во мне жаркой волной, и я чувствую, как начинаю дрожать. Я снова делаю глубокий вдох, думая о ребёнке.

— Да, проблемы были, — говорю я, медленно и чётко выговаривая каждое слово. — И я по своей глупости, делилась ими с тобой. С лучшей подругой. А ты... ты оказалась змеей. Всё это время слушала, кивала, делала вид, что сочувствуешь, и в это же время методично подставляла мне ножку. Все твои советы «дать ему больше свободы» были лишь прикрытием, чтобы самой заползти в его постель.

Гульнара отступает на шаг, и её лицо искажается злобой.

— А, так это я змея? — она шипит. — А ты святая? Ты думаешь, он был счастлив с тобой? Он говорил, что ты — серая, скучная мышь! Что он задыхается в этой серости! А я дала ему то, чего ему не хватало: страсть, огонь, жизнь! И он благодарен мне за это!

Каждое слово Гули, как нож. «Серая мышь». «Скучная». «Задыхался». Он действительно говорил ей всё это? Лёжа рядом с ней в постели? Да, наверное, говорил. Оправдывал свою подлость и её моей «серостью». И от этой мысли становится не столько больно, сколько пусто и горько.

Я медленно поднимаюсь со скамейки. В глазах немного темнеет, но я нахожу опору.

— Забирай его, — говорю я безразличным, усталым тоном. — Забирай своего Наиля. Он твой. Наслаждайся его благодарностью. Гордись тем, что подобрала чужого мужа, как брошенную вещь. Но запомни одну вещь. Ты подобрала не мужчину. Ты подобрала предателя. И тот, кто предал одного человека, однажды предаст и другого.

Она открывает рот, чтобы что-то выкрикнуть, её лицо багровеет от бессильной злости, но я не даю ей сказать ни слова.

— И ещё, — добавляю я. — Ты уволена. Принесёшь заявление по собственному на стол Марины Сергеевны до конца недели. Если нет, я направлю в отдел кадров официальное письмо с подробным описанием твоего морального облика. А теперь уходи. И не подходи ко мне больше.

Я поворачиваюсь к ней спиной. Мне всё равно, что она делает или говорит мне вслед. Медленно, очень осторожно, стараясь сохранять равновесие, иду к своему подъезду. Позади остаются приглушённые звуки двора и ядовитое шипение прошлого, которое я оставляю здесь.

Сердце всё ещё бешено колотится, но теперь больше от напряжения, чем от ярости. Открываю дверь подъезда, захожу внутрь и слышу, как за моей спиной с щелчком закрывается новый, надёжный замок. И в этот момент острая, режущая боль, как удар кинжала, пронзает низ живота.

— Нет, — тихо шепчу я, прижимая обе руки к животу, по которому расползается тяжёлая, страшная волна спазма. Я чувствую, как по ногам бегут мурашки, и медленно, почти плавно, оседаю на холодный кафельный пол. — Не-е-ет! — моё шептание переходит в рыдание, и я понимаю, что теряю ЕГО. Теряю своего ребёнка!

От автора: Представляю вам следующего участника - Кристина Весенняя "Вернуть семью. Без права на ошибку".

<https://litnet.com/shrt/eIcY>

Глава 7

Спустя три года

Алина

Я иду по вечернему городу после работы, размышляя о том, что приготовить на ужин. День был долгим и сейчас думаю только о простых вещах: купить курицу для запекания, свежих овощей для салата, вспоминаю, что утром забыла взять молоко. Эти обычные бытовые мысли помогают мне расслабиться после рабочего дня, переключиться на что-то простое и понятное.

Уже подходя к своему переулку, я вдруг слышу оглушительный звук: резкий удар, скрежет металла о металл, пронзительный визг тормозов. Звук такой громкий, что я инстинктивно замираю на месте. Передо мной на перекрёстке только что произошло столкновение.

Стою и несколько секунд просто не могу осознать, что произошло. Вижу белую иномарку с сильно помятым боком, разбитыми стёклами, из-под капота которой валит густой серый дым. Мозг отказывается воспринимать эту картину как реальность.

Потом что-то щёлкает в сознании, и я, как и несколько других прохожих, бегу к машине. Подбегаю к водительской стороне и заглядываю внутрь через треснувшее стекло. И тут у меня перехватывает дыхание.

За рулём сидит Наиль. Его голова запрокинута на подголовник, глаза закрыты, а по виску стекает алая струйка крови. На пассажирском сиденье с окровавленным пятном на лбу сидит Гульнара. Она в сознании, но выглядит совершенно потерянной, одной рукой держится за живот, её лицо искажено гримасой боли.

Не могу отвести от них взгляд, пока какой-то мужчина пытается открыть водительскую дверь. Гульнара медленно поворачивает голову в мою сторону, и наши взгляды встречаются. В её глазах нет ни намёка на ту надменность, которую я помню, только чистый, животный страх и полная беспомощность.

— Алина... — её голос прерывается рыданием. — Помогите... пожалуйста... спаси ребёнка...

Я машинально заглядываю на заднее сиденье, ищу глазами детское кресло, но там никого и ничего нет. Потом до меня доходит: она говорит о своём ещё не родившемся ребёнке. Смотрю на неё внимательнее и замечаю небольшой, но уже явно округлившийся живот под её курткой.

Внутри у меня всё холодеет. Руки начинают дрожать, когда я начинаю рыться в своей сумке в поисках телефона. С трудом набираю номер скорой помощи, голос предательски дрожит, когда я сообщаю диспетчеру адрес и объясняю, что есть пострадавшие, среди них беременная женщина.

Тем временем люди вокруг помогают вытащить Наиля из машины. Кто-то из мужчин громко говорит, что он жив и прощупывается пульс. Гульнару тоже пытаются успокоить, говорят, что скорая уже в пути, но она не слушает, она плачет и повторяет одно и то же: *«Я теряю ребёнка, помогите, я чувствую, как всё происходит...»*

Минуты ожидания растягиваются как часы. Наконец, подъезжают машины скорой помощи с воем сирен. Врачи быстро оценивают ситуацию, аккуратно укладывают Гульнару на носилки. И в этот момент она внезапно хватает меня за руку. Её пальцы холодные и липкие.

— Алина, не бросай меня, пожалуйста! — она смотрит на меня полными слёз глазами, и в них такой настоящий ужас, что у меня перехватывает дыхание. — Мне так страшно... Поезжай со мной, умоляю...

Я стою в нерешительности. Мой взгляд переключается на Наиля. Его грузят на другие носилки, его лицо бледное и совершенно безучастное. Он выглядит таким хрупким и беззащитным, совсем не тем самоуверенным человеком, которого я когда-то знала.

Но Гульнара снова кричит, уже почти в истерике, и её рука сжимает мою с неожиданной силой.

— Не оставляй меня одну! Умоляю тебя!

И в этот момент вся обида, вся горечь прошлого куда-то уходят. Остаётся только понимание, что передо мной напуганная женщина, которая, возможно, теряет своего ребёнка. И я понимаю, что не могу её бросить. Просто не могу, что бы ни случилось между нами раньше.

— Хорошо, — тихо говорю я, осторожно высвобождаю свою руку и обращаюсь к ближайшему врачу. — Я поеду с ней. Она моя... знакомая.

Санитары уже загружают носилки с Гульнарой в машину. Я делаю глубокий вдох, поднимаюсь в салон и присаживаюсь на узкое сиденье рядом с ней. Дверь захлопывается с глухим звуком, и машина с рёвом сирены трогается с места, увозя нас прочь от места аварии, от Наиля и от моего обычного вечера, который закончился, так и не успев по-настоящему начаться.

От автора: Ещё один участник литмоба стартовал сегодня, кто желает, присоединяйтесь: Чарли Ви "Вернуть семью любой ценой"

<https://litnet.com/shrt/e1w9>

Глава 8

Алина

Санитарка возится рядом с Гульнарой, поправляет кислородную маску на её лице, но бывшая подруга не отпускает мою руку. Её пальцы впиваются в мою кожу так сильно, что становится больно, будто Гульнара пытается через это прикосновение ухватиться за саму жизнь. Машина скорой помощи с рыком набирает скорость, сирена воем где-то совсем близко, и этот звук буквально вдавливают меня в сиденье. Я смотрю в маленькое грязное окошко, за которым мелькают размытые огни фонарей и витрин, и у меня возникает странное чувство, будто я попала в другой мир, где нет ни прошлого, ни будущего, есть только вот эта трясущаяся машина и хриплое дыхание Гульнары.

Гульнара стонет сквозь прозрачную маску, её глаза широко раскрыты и полны такого ужаса, что становится не по себе. Она пытается говорить, но получаются только непонятные, пугающие звуки. Врач, молодой мужчина с уставшими глазами, в это время мерит ей давление, движения медработника выверенные и быстрые, будто он делает это в сотый раз за смену.

— Постарайтесь дышать спокойнее, — говорит он ровным, профессиональным голосом, но Гульнара, кажется, его не слышит. Она смотрит только на меня, и в её взгляде читается безмолвная просьба и отчаянная надежда.

Я чувствую, как рука Гульнары снова судорожно сжимается, и моя ладонь сама по себе отвечает на это сжатие. Мне странно от этого. Все эти три года я много раз представляла, как мы можем случайно встретиться с ней на улице, в магазине. Всегда думала, что повернусь и уйду, не удостоив её даже взглядом, или скажу что-то колкое и жестокое. А сейчас я просто сижу и держу её за руку, потому что понимаю: больше мне ничего не остаётся. Я не врач, не могу помочь, могу лишь быть рядом.

— Дети у вас есть? — неожиданно спрашивает врач, не отрываясь от своих манипуляций.

Его вопрос застаёт меня врасплох. Перед глазами мгновенно возникает та самая картина: холодный кафель подъезда, пронзительная боль внизу живота и осознание того, что я теряю своего ребёнка. Я также ехала в карете скорой, умоляя фельдшеров спасти моего ребёнка...

— Н-нет, — тихо и запинаясь, отвечаю я. Отворачиваюсь к окошку, чтобы скрыть свои истинные эмоции.

Гульнара издаёт новый, отрывистый стон, и я понимаю, что она всё прекрасно слышала. Её пальцы снова впиваются в мою руку с новой силой. Теперь в её перепуганных глазах, поверх страха, появляется что-то ещё острое, невыносимое понимание. Она вспомнила. Вспомнила, что произошло тогда, из-за чего мы перестали общаться.

— Всё будет хорошо, — говорю Гульнаре, и сама удивляюсь, откуда в моём голосе берётся эта твёрдость. — Сейчас доедем до больницы, тебе помогут. Просто постарайся дышать ровно, как говорит врач.

Она медленно, с огромным трудом кивает, и по её испачканной кровью щеке медленно скатывается слеза. Я нахожу на стенке коробку с бумажными салфетками, отрываю одну и осторожно, почти нежно, вытираю её лицо. Она ненадолго закрывает глаза, и её хватка наконец-то немного ослабевает.

Мой взгляд падает на её живот, на этот небольшой, но уже заметный бугорок под одеждой. Там живёт маленький человек, который сейчас борется за свою жизнь, даже не подозревая об этом. И я вдруг с абсолютной ясностью понимаю, что вся наша прошлая вражда, все обиды и предательства сейчас не стоят ровным счётом ничего. В этой машине есть только она, её нерожденный ребёнок и люди, которые пытаются спасти обоих. Всё остальное просто исчезло.

Машина резко останавливается, и меня по инерции бросает вперёд. Мы на месте. Двери распахиваются, и носилки с Гульнарой стремительно выкатывают на улицу. Она снова открывает глаза, и в них снова вспыхивает знакомая паника.

— Ты не уходи? — шепчет она так тихо, что я почти читаю эти слова по губам. Она отпускает мою руку только тогда, когда санитары уже подхватывают носилки.

— Я здесь, — уверенно говорю я, выпрыгиваю из машины и бегу рядом с каталкой. — Я никуда не уйду, я обещаю.

Мы влетаем в длинный, ярко освещённый больничный коридор. Двери приёмного покоя распахиваются, поглощая Гульнару и окружающих её медиков. Меня мягко, но настойчиво останавливает женщина в медицинском халате.

— Вам нужно будет заполнить некоторые бумаги, — говорит она безразличным, привычным к чужой боли голосом. — Вы ей родственница?

Я на мгновение замираю, глядя на то, как двери закрываются за Гульнарой.

— Нет, — наконец выдавливаю я. — Я просто... знакомая. Но я останусь, мне нужно знать, что с ней.

Медсестра согласно кивает и уходит по своим делам, оставив меня одну в шумном больничном холле. Я направляюсь к синему пластиковому стулу у стены и аккуратно присаживаюсь. Мои ладони до сих пор ощущают холодные, дрожащие руки Гульнары, а в ушах продолжает звенеть вой сирены. Достая телефон из сумки, смотрю на экран. Несколько сообщений от мамы: «Алина, ты где?». Отвечаю коротко: «Задерживаюсь, всё нормально», не в силах пока объяснить, что это за «нормально».

И теперь я просто сижу. Сижу в этом больничном кресле и жду. Жду известий о женщине, которая когда-то разрушила мою семью. И о ребёнке, которому сейчас, вопреки всей логике, я желаю жить и быть здоровым. Жизнь иногда преподносит такие странные и сложные повороты, что остаётся только одно — слушать своё сердце. А моё сердце сейчас говорит мне: я должна дождаться и узнать, что всё будет в порядке.

От автора: Следующий участник нашего литмоба - Хелен Кир "*Вернуть семью. Мы - не бывшие*"

https://litnet.com/shrt/Uv_v

Глава 9

Алина

Подхожу к стойке регистратуры, где за стеклом сидит женщина в медицинском халате. Делаю вдох и задаю вопрос, который вертится у меня в голове с момента приезда в больницу.

— Здравствуйте, скажите, пожалуйста, не подскажете, куда отправили второго пострадавшего в ДТП? Авария была на улице Кирова.

Регистраторша смотрит на меня пустым взглядом, медленно обрабатывая информацию. Видно, что за день она уже устала от бесконечных вопросов и посетителей.

— Какого второго? — переспрашивает она, и я понимаю, что нужно объяснять подробнее.

Чёрт, неужели в регистратуре не знают о таких вещах?

Начинаю рассказывать, подбирая слова, чувствуя, как непросто даётся мне этот разговор. Говорю о женщине с угрозой выкидыша, о том, что её привезли сюда после аварии на улице Кирова. Останавливаюсь на мгновение, прежде чем произнести следующую часть.

— С ней был... — хочу сказать: «муж», но язык не поворачивается, — мужчина. Он был без сознания, когда их привозили.

Женщина за стеклом поднимает на меня усталый взгляд и просит подождать. Отворачивается к компьютеру, начинает что-то печатать, параллельно разговаривая по телефону. Я остаюсь стоять у стойки, чувствуя себя неловко и лишней.

Не понимаю сама, зачем мне всё это нужно. Гульнару уже увезли в операционную, я выполнила то, что должна была — привезла её, подписала документы. Могла бы уже уехать домой, где меня ждут и я действительно нужна. Но что-то заставляет остаться, какая-то непонятная внутренняя потребность узнать, что с ним... с Наилем.

Стою и жду, прислонившись к холодной стене. Вокруг кипит больничная жизнь, где-то плачет ребёнок, мимо проходят врачи с серьёзными лицами, слышны обрывки разговоров. Все эти звуки смешиваются в моей голове в один непрерывный гул, от которого начинает болеть голова.

Проходит несколько минут, которые кажутся вечностью. Наконец, регистраторша поворачивается ко мне с ответом.

— Молодой человек, о котором вы спрашиваете, находится в реанимации хирургического отделения. Третий этаж, — женщина делает небольшую паузу, и её взгляд становится чуть более внимательным. — Состояние поступившего тяжёлое. К нему пускают только близких родственников.

Слова «реанимация» и «тяжёлое состояние» повисают в воздухе, и я чувствую, как что-то сжимается внутри. Несмотря на боль и обиду, что остались между нами, глубоко внутри живёт память о том человеке, которого я когда-то любила.

Благодарю её и отхожу от стойки, не зная точно, куда иду. Ноги сами несут меня вперёд, и я почти дохожу до лестницы, ведущей на третий этаж, прежде чем останавливаюсь. Зачем мне туда идти? Что я скажу, если меня пропустят?

В этот момент ко мне подходит знакомая медсестра, та самая, что принимала документы, когда мы с Гульнаркой только приехали. Выглядит она очень уставшей, но в её глазах я вижу больше участия, чем раньше.

— Вы ведь родственница Гульнары Валеевой? — спрашивает она, и мне нужно несколько секунд, чтобы переключиться.

— Да... то есть нет... Я просто... — путаюсь в словах, но она мягко перебивает.

— Операция прошла нормально. Сейчас пациентка под наркозом, её переведут в реанимацию для наблюдения.

Я киваю, собираясь с духом, чтобы задать главный вопрос, который вертится у меня на языке.

— А ребёнок? — спрашиваю я почти шёпотом, боясь услышать ответ.

Медсестра опускает глаза, и по её выражению лица я всё понимаю ещё до того, как она произносит слова.

— К сожалению, произошла отслойка плаценты... На сроке двадцать три недели... — она говорит тихо, подбирая слова. — Ребёнка спасти не удалось.

Стою и не могу пошевелиться, пытаюсь осознать услышанное. Двадцать три недели... Это уже не просто плод, это почти сформировавшийся ребёнок. И его больше нет.

Медсестра, видя моё состояние, кладёт свою руку мне на плечо. Это простое человеческое прикосновение заставляет меня сглотнуть ком в горле. Девушка думает, что я родственница и это тоже моё горе. А я просто стою здесь, чувствуя себя совершенно потерянной и понимая, насколько незначительными кажутся сейчас все наши ссоры и обиды на фоне этой настоящей трагедии.

Достаю телефон и диктую ей свой номер на случай, если что-то понадобится. Она записывает, ещё раз кивает мне с сочувственным видом и уходит по своим делам. Я же остаюсь одна в больничном холле, со странным чувством пустоты внутри, не зная, что делать дальше и почему жизнь иногда складывается так несправедливо и жестоко.

От автора: Представляю вашему вниманию следующего участника литмоба - Мария Владыкина "Вернуть семью. Эхо нашей любви"

<https://litnet.com/shrt/0OZo>

Глава 10

Алина

Стою в холле и не знаю, что делать дальше. Новость о потере ребёнка всё ещё отдаётся внутри глухой пустотой. Ноги сами несут меня куда-то, и я понимаю, что уже спускаюсь по лестнице в хирургическое отделение. Сама не могу объяснить, зачем мне это нужно. Наверное, просто должна убедиться собственными глазами.

Прохожу по длинному коридору, заполненному запахом лекарств и стерильности. Вижу стойку и подхожу к посту медсестёр. Дежурная женщина в голубом халате что-то пишет в журнале, не замечая меня сначала.

— Извините, — тихо говорю я, и мой голос звучит хрипло. — Не подскажете, какой врач занимается пострадавшим из аварии на улице Кирова? Мужчиной, его зовут Наиль.

Она поднимает на меня взгляд, оценивающий и немного усталый.

— А вы кто ему? — спрашивает она обычный в таких случаях вопрос.

— Я... — на мгновение запинаясь, — просто знакомая. Мы вместе попали в аварию.

Это звучит неубедительно, и я сама это понимаю. Но говорить «бывшая жена» у меня нет никакого желания.

Медсестра смотрит на меня ещё несколько секунд, потом пожимает плечами и заглядывает в свой журнал.

— Галиев Наиль Рафисович? — уточняет она. Я киваю, удивлённая, что она сразу нашла его фамилию. — Им занимается доктор Волков Александр Витальевич. Сейчас он как раз в ординаторской, третий кабинет по коридору направо.

Благодарю её и иду по указанному коридору. Сердце почему-то стучит чаще. Останавливаюсь перед дверью с табличкой «Ординаторская», поднимаю руку, чтобы постучать, но замираю. Что я скажу этому врачу? «Здравствуйте, я бывшая жена пациента, скажите, выживет ли он?»

Делаю глубокий вдох и всё-таки стучу. Из-за двери доносится негромкое «Войдите».

В кабинете за столом сидит мужчина лет сорока в хирургическом халате. Он смотрит на компьютер, но поднимает глаза, когда я вхожу.

— Александр Витальевич? — спрашиваю я, останавливаясь у порога.

— Да, чем могу помочь? — его голос спокойный и профессиональный.

— Я... я спрашиваю про Галиева Наиля. Его только что привезли после аварии.

Он отодвигается от стола и внимательно меня рассматривает.

— Вы родственница? — снова этот неизбежный вопрос.

— Я была с ним в машине, — отвечаю я, уклоняясь от прямого ответа. Мне кажется, или в его взгляде промелькнуло понимание? Возможно, он уже знает от кого-то из персонала, что я приехала со второй пострадавшей. — Я просто хочу знать, как он. Это... очень важно.

Доктор вздыхает, снимает очки и кладёт их на стол.

— Состояние тяжёлое, — говорит он прямо, без прикрас. — Закрытая черепно-мозговая травма, множественные ушибы, перелом двух рёбер. Сейчас он в медикаментозной коме, чтобы снизить нагрузку на мозг.

Слова «черепно-мозговая травма» и «кома» повисают в воздухе. Я чувствую, как подкашиваются ноги, и инстинктивно опираюсь о косяк двери.

— Он... он выживет? — срывается у меня вопрос, который боялась задать.

— Прогноз осторожный, — доктор говорит обтекаемо, но в его глазах я читаю неподдельную озабоченность. — Следующие сорок восемь часов будут решающими. Сейчас мы делаем всё возможное. Больше я ничего сказать не могу.

Я киваю, понимая, что вытянуть из него больше информации невозможно. Да и не имею я на это права, если не являюсь официальной родственницей.

— Спасибо, — тихо говорю я и выхожу из кабинета, чувствуя странную опустошённость.

Я остановился в коридоре, прижимаюсь к прохладной стене. Наиль в коме. Он на грани жизни и смерти. А женщина, ради которой он оставил меня, сейчас лежит этажом выше. Она только что потеряла их общего ребёнка.

Жизнь сыграла с ними злую и жестокую шутку. И, как ни странно, я не чувствую ни злорадства, ни удовлетворения. Только тяжёлую, давящую грусть и усталость от всего этого.

Достаю телефон и смотрю на время. Уже давно стемнело. Мама снова написала, беспокоится. Пора домой. Я сделала всё, что могла, а может, даже больше. Теперь их судьба в руках врачей и воли случая.

От автора: Представляю вашему вниманию следующего участника - Ирина Корепанова
"Вернуть семью. Цена предательства"

<https://litnet.com/shrt/Ya1K>

Глава 11

Алина

Уже добираясь домой на такси, я всю дорогу пялилась в окно заднего пассажирского сиденья. Смотря на проезжающий пейзаж невидящим взором, прокручиваю в своей голове произошедшее. Сколько бы я ни злилась на Наиля и Гульнар, такого я точно им не желала. Что я чувствую по отношению к Наилю? Больше жалость. Да, мне жалко бывшего мужа, несмотря на то, что он мне сделала в прошлом. Я нисколько не чёрствая и железная, как бы мне не хотелось. Во мне сидит сердобольная, которая не может оставаться безразличной к чужому горю. И, наверное, именно поэтому я сейчас еду в десятом часу вечера в такси, а не дома, в тепле и уюте.

Что я буду делать завтра? Поеду ли я опять в больницу? Однозначно «да». Хотя бы для того, чтобы убедиться в том, что никому не грозит смертельный исход. А дальше... дальше я закрою эту и снова забуду, как это сделала ранее.

Такси подъезжает к моему дому, протягиваю купюру водителю и выхожу на прохладный воздух. Задираю лицо и вижу горящие окна моей квартиры. Медленно шагаю к подъезду, мечтая поскорее оказаться в родных и уютных стенах.

Открываю дверь, и в нос моментально бьёт запах свежеприготовленного ужина, какой-то выпечки и сладкой карамели. Аккуратно закрываю дверь и снимаю верхнюю одежду. Себя ощущаю уставшей и истощённой, словно из меня высосали все силы. Доносится приглушённый голос из дальней комнаты. Это моя мама. Мне так неудобно перед ней, что приходится быть здесь, да и ещё готовить. Обычно ужин я беру на себя, пока она на вечерней прогулке. Да и в целом неудобно, что ей приходится быть здесь, а не у себя дома. Там всё-таки у неё любимые растения, за которым нужен чуть ли не ежедневный уход, а ей приходится жить пока у меня.

— Мама, я дома, — негромко кричу ей, оповещая о своём приходе.

Сама прохожу в ванную, чтобы помыть руки после улицы. И пока я мою, мама появляется в проёме ванной комнаты. Смотрит на меня с волнением, пристально рассматривая моё усталое лицо.

— У тебя всё в порядке? — взволнованно спрашивает она. — Ты так поздно никогда не приходила.

— Да, всё хорошо, — качаю головой и вытираю руки о полотенце.

— Не знаю, выглядишь неважно. Немного бледное лицо.

— Со мной лично всё хорошо. Просто по дороге домой, кое-что произошло. Но я в порядке, — сразу же предупреждаю её, чтобы не надумала невесть чего. — Я тебе чуть позже расскажу. А сейчас я жутко устала и соскучилась, — улыбаюсь маме устало.

— А ужинать?

— Да, буду, только чуть позже. Ты сама ужинала?

— Нет, тебя ждала.

— Не стоило. Надо было не ждать меня.

Мама всё-таки не успокоилась, она продолжает смотреть на меня с опаской и с подозрением. Во мне нет столько сил, чтобы переубедить родительницу в своих подозрениях. Вместо этого я прохожу мимо неё и иду в спальню.

И когда я открываю дверь, то моментально натыкаюсь на карие и удивлённые глаза.

— Мама! — лепечет моё чудо, в розовенькой пижаме и с тёмными волосами, протягивая мне пухленькие ручонки через бортик своей кровати. Так, моя малышка просит маму поскорее взять её на руки.

От автора: Продолжение завтра!

*А сейчас представляю вам следующего участника литмоба - Зоя Астэр "Вернуть семью.
Его уязвимость"
<https://litnet.com/shrt/r-ea>*

Глава 12

Алина

Вся усталость и напряжение дня мгновенно уходят, когда я вижу эти большие карие глаза. Моя маленькая Аминочка тянет ко мне пухленькие ручки. Её лицо озаряется счастьем, когда она видит маму. Я забываю обо всём: больнице, аварии, проблемах.

— Здравствуй, моя радость, — говорю я тихим, нежным голосом, которого сама почти не узнаю. Подхожу к кровати и беру её на руки. Она сразу же обнимает меня за шею своими маленькими ручками и прижимается ко мне всем телом. Она тёплая, пахнет детским кремом и чем-то таким родным, что слёзы наворачиваются на глаза от переполняющих чувств.

— Ма-ма, — лепечет она, зарывшись носом мне в плечо.

— Да, мама дома, — шепчу я ей в волосы, качая её на руках. — Мама всегда придёт к своей девочке.

Стою так несколько минут, просто дышу её запахом и чувствую, как понемногу успокаиваюсь. Все тревоги и переживания отступают, становятся менее острыми. Это маленькое существо на моих руках — мой главный якорь. И она не даёт мне утонуть в тяжёлых мыслях.

Замечаю, что мама стоит в дверях и смотрит на нас с тихой улыбкой. В её глазах я вижу и любовь, и понимание, и ту самую материнскую тревогу, которая никогда не проходит.

— Давай я её, — предлагает она тихо. — Иди умойся, переоденься. Ужин разогрею.

— Сейчас, — киваю я, но ещё немного не отпускаю дочку. Мне нужен покой и чувство безопасности, которые она дарит.

Наконец, я осторожно кладу Амину обратно в кровать. Она хнычет, не желая отпускать меня, и я целую её в макушку.

— Мама, лучки, — Амина опять тянет свои ладошки, чтобы я её обратно забрала на руки.

— Мама скоро придёт, солнышко, — обещаю я ей. — Нужно только умыться.

Выхожу из комнаты и иду в ванную. Смотрю на своё отражение в зеркале. Действительно, лицо бледное, под глазами тёмные круги, волосы растрёпаны. Выгляжу так, будто прошла через что-то очень тяжёлое, а не просто задержалась на работе.

Умываюсь прохладной водой, и это немного освежает. Переодеваюсь в старый, мягкий домашний халат, и сразу становится легче. Возвращаюсь на кухню, где мама уже разогревает суп. Аромат куриного бульона наполняет всю кухню, и я понимаю, что смертельно голодна.

— Садись, ешь, — говорит мама, ставя передо мной тарелку. — А я пока с Аминой посижу, уложу её.

— Мам, давай я сама, — пытаюсь возразить я, но она уже уходит в комнату, махнув рукой.

Остаюсь одна на кухне. Ем суп, и кажется, что это самый вкусный суп в моей жизни. Постепенно тепло разливается по телу, и я чувствую, как силы понемногу возвращаются.

Слышу из комнаты тихий голос мамы, она поёт Амине колыбельную. Та же самая колыбельная, что она пела мне в детстве. На душе становится спокойно и немного грустно.

Доедаю ужин, мою посуду и иду в комнату. Мама уже уложила Амину, та сладко спит, посасывая во сне пухлую губку. Сажу рядом на кровати, просто смотрю на неё и глажу её маленькую ручку. Она родилась через год после того, как я потеряла первого ребёнка. Она стала моим спасением, моим смыслом жить дальше.

Мама заходит в комнату и садится рядом со мной.

— Ну что, расскажешь, что случилось? — спрашивает она тихо, чтобы не разбудить внушку.

Я вздыхаю. Рассказываю ей всё с самого начала. Про аварию, Наиля с Гульнарой, больницу, и про потерянного ребёнка. Говорю спокойно, без истерик, просто констатирую факты. Мама слушает, не перебивая, и я вижу, как её лицо становится всё более серьёзным.

— И как ты сейчас? — спрашивает она, когда я заканчиваю.

— Не знаю, — честно признаюсь я. — Жалко их. Очень жалко. Несмотря ни на что. И... страшно. Страшно, что жизнь может так внезапно оборваться.

Мама берёт мою руку в свои и крепко сжимает.

— Ты поступила правильно, — говорит она твёрдо. — Как настоящий человек. Остальное... остальное не в твоей власти.

Мы сидим так молча ещё несколько минут. Потом мама встаёт.

— Ложись спать, — говорит она. — Завтра новый день. А я побуду здесь, с Аминой.

— Спасибо, мам, — я говорю матери, но этих слов недостаточно, чтобы выразить мои чувства.

Ложусь в кровать, закрываю глаза. В ушах ещё стоит вой сирены, а перед глазами — бледное лицо Наиля и испуганные глаза Гульнары. Но теперь эти образы смешиваются с запахом детского крема и тёплым комочком, спящим рядом. И это даёт мне силы надеяться, что завтра будет лучше.

От автора: И следующая автор из нашего литмоба - Тина Рамм *"Вернуть семью. Второй шанс для нас"*

<https://litnet.com/shrt/M-v8>

Глава 13

Алина

Весь день на работе проходит в суматохе. Утром привезли новую партию товара, и мне приходится сверять накладные, пересчитывать коробки и вносить всё в электронную базу. Эта монотонная работа обычно помогает отвлечься, но сегодня мысли постоянно возвращаются к вчерашним событиям. Я часто замечаю, что погружаюсь в свои мысли и смотрю в одну точку. Думаю о том, что сейчас происходит в больнице.

К обеду, наконец, удаётся разобраться с поставкой. Я устраиваюсь на перерыв в маленькой комнатке для персонала, пью кофе и смотрю в окно. В этот момент в тишине раздаётся звонок моего телефона. На экране незнакомый номер. Обычно я не отвечаю на такие вызовы, но сегодня что-то заставляет меня нажать кнопку ответа. Может быть, это из больницы?

— Алло? — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Алина Артуровна? — спрашивает женский голос. Он звучит официально и спокойно.

— Да, это я.

— Вам звоню из городской больницы номер три. Вы вчера оставляли свой номер для связи.

У меня на мгновение перехватывает дыхание. Я инстинктивно сжимаю телефон в руке.

— Да, я слушаю. Что-то случилось?

— С вашим знакомым, Наилем Рафисовичем, произошли изменения в состоянии. Он пришёл в сознание около часа назад.

Это известие застаёт меня врасплох. Я почему-то была уверена, что он будет находиться в коме дольше.

— Он... в порядке? — осторожно спрашиваю я.

— Состояние остаётся тяжёлым, но стабильным. Пациент Галиев в сознании, ориентируется в обстановке, может говорить. Галиев попросил связаться с вами.

Меня это удивляет. Наиль просил связаться именно со мной, а не с родственниками или Гульнаррой?

— Я... поняла, — говорю я, немного растерянно. — Спасибо, что позвонили.

— Если у вас есть возможность, он хотел бы вас видеть. Конечно, когда вам будет удобно.

— Хорошо, я постараюсь подъехать сегодня, — почти автоматически отвечаю я и заканчиваю разговор.

Опускаю телефон на стол и смотрю на гаджет, пытаюсь осознать, что только что произошло. Наиль в сознании. И он хочет меня видеть. Зачем? Что ему от меня нужно?

Мысли путаются. С одной стороны, мне действительно хочется убедиться, что с ним всё более или менее нормально. С другой стороны, я опасаюсь этой встречи. Боюсь сильных эмоций, которые она может принести. Боюсь увидеть слабым и беспомощным бывшего мужа. И боюсь услышать то, что, возможно, не хочу услышать.

Допиваю кофе, который уже успел остыть, и возвращаюсь к работе, но сосредоточиться уже не могу. Решаю договориться с начальником, чтобы уйти пораньше. Объясняю, что есть срочные семейные обстоятельства, и он, к моему удивлению, без лишних вопросов отпускает меня.

По дороге в больницу снова еду в такси и снова смотрю в окно. Город живёт своей обычной жизнью, люди спешат по своим делам, и, мне кажется, невероятным, что где-то здесь, в больничной палате, лежит человек, с которым была связана значительная часть моей жизни, и наша история, казалось бы, законченная и похороненная, внезапно получила новое, совершенно неожиданное продолжение.

Подъезжая к больнице, я чувствую, как сердце начинает биться чаще. Что я скажу ему? Как буду себя вести? Не знаю. Просто иду внутрь, полагаясь на то, что нужные слова найдутся сами собой.

Поднимаюсь на третий этаж, где находится хирургическое отделение. В коридоре пахнет лекарствами и дезинфекцией. Подхожу к посту медсестёр и называю фамилию Наиля.

— Он в палате 312, — говорит дежурная медсестра, внимательно глядя на меня. — Но предупреждаю, он ещё очень слаб. Не утомляйте его разговорами.

Киваю и медленно иду по коридору, отыскивая нужный номер. Останавливаюсь перед дверью с табличкой 312. Делаю глубокий вдох и осторожно вхожу.

Палата полутёмная, шторы прикрыты. На кровати у окна лежит Наиль. Он бледный и с повязкой на голове, а к руке подключены капельницы. Его глаза закрыты, но когда я делаю шаг вперёд, он открывает их.

Мы молча смотрим друг на друга несколько секунд. Он выглядит таким... беззащитным. Совсем не тем самоуверенным мужчиной, которого я помню.

— Привет, — тихо говорю я, останавливаясь у его кровати.

— Привет, — голос у Наиля слабый и хриплый. — Ты пришла, — он пытается улыбнуться, но получается плохо.

— Как ты себя чувствуешь? — игнорирую его дружелюбный настрой.

— Живой. Врачи говорят, повезло.

Молчание снова повисает между нами. Я не знаю, что сказать. Слишком много невысказанного накопилось за эти годы.

— Гульнара... — начинает он, и я замечаю, как его лицо искажается от боли. — Она мне кто?

От его вопроса я даже теряюсь, не понимая, почему он у меня спрашивает такие вещи.

— Она... — я тяжело сглатываю. Ком боли возвращается, напоминая о прошлом. — Она твоя женщина, — хрипло проговариваю, хотя хотелось ответить, что любовница. — Ты разве не помнишь?

Наиль хмурится, продолжая смотреть на меня с пристальным вниманием.

— Как это? — негромко проговаривает и явно ему тяжело даётся.

— Наиль, ты меня пугаешь. Мы с тобой разведены уже больше двух лет. Ты ушёл от меня к Гульнаре...

— Что за чушь? — он даже хочет подняться, но его останавливает боль в теле, откинувшись обратно на подушку.

— Не вставай, тебе нельзя, — тороплюсь его остановить.

— Что за херню ты сейчас сказала? — прикрыв веки, он морщится, и не пойму отчего: от боли или от моих слов. — Мне врачи говорят, что жена была со мной. Я испугался, но когда назвали имя и фамилию, я опешил. И ничего не смог сказать про Гульнару. Она же твоя подруга, и почему была со мной на момент аварии. Саму аварию я мало помню. Помню только, что меня занесло и всё... — он замолкает, явно напрягает память, чтобы вспомнить детали.

Я молча стою, не зная, что ответить.

И вдруг до меня доходит, что он потерял частично память.

Глава 14

Алина

— Тебе нужно отдыхать, — говорю я наконец. — Не сто́ит тратить силы. Потом вспомнишь всё.

— Алина, — он снова зовёт меня, и в его голосе звучит мольба. — Останься... ещё ненадолго.

Смотрю на него сломленного, беспомощного, одинокого в своей боли. И понимаю, что не могу просто развернуться и уйти.

Пододвигаю стул к его кровати и сажусь.

— Хорошо, — тихо говорю я. — Я посижу с тобой.

Он закрывает глаза, и его дыхание постепенно становится более ровным. Сажусь рядом и смотрю в окно, думаю о том, как странно складывается жизнь. Все обиды и боль никуда не делись, но сейчас они кажутся такими далёкими и неважными по сравнению с тем, что происходит здесь и сейчас.

Через некоторое время заходит медсестра, чтобы проверить его состояние. Она кивает мне, видя, что я всё ещё здесь.

— Ему нужно спать, — тихо говорит она. — Вы можете прийти завтра.

Киваю и осторожно встаю. Наиль уже спит, его лицо кажется более спокойным.

Выхожу из палаты и снова оказываюсь в больничном коридоре. Чувствую странную опустошённость. Эта встреча не принесла никакого облегчения, только добавила новых вопросов и сомнений.

Достаю телефон и смотрю на время. Пора домой, к дочке, которая наверняка уже скучает по маме. Завтра будет новый день, и я снова приду сюда. Потому что, несмотря на всё, что было, я не могу оставить его одного в этой больнице.

Выхожу из палаты Наиля и медленно иду по коридору, не зная, что делать дальше. Мысль о его потере памяти не даёт мне покоя. Я решаю найти лечащего врача, чтобы понять, насколько серьёзно его состояние.

Подхожу к ординаторской и осторожно стучу. Тот же доктор Волков, что был вчера, поднимает на меня взгляд.

— Вы к Наилью Рафисовичу? — уточняет он, узнав меня.

— Да. Скажите, пожалуйста, что с его памятью? Он... кажется, не помнит последние годы.

Врач кивает, его лицо становится серьёзным.

— Да, это одно из последствий черепно-мозговой травмы — ретроградная амнезия. В его случае мозг временно блокирует доступ к некоторым воспоминаниям, в основном тем, что связаны с психологически травмирующими событиями или просто за последние несколько лет. Это защитный механизм.

— Это... навсегда? — осторожно спрашиваю я.

— Сложно сказать. Восстановление памяти — процесс индивидуальный. Кто-то вспоминает всё через несколько дней, у кого-то это занимает месяцы, а некоторые воспоминания могут не вернуться никогда. Сейчас главное — не пытаться насильно «встряхнуть» его память, это может ухудшить состояние.

Благодарю врача и выхожу, чувствуя тяжесть на душе. Получается, Наиль сейчас живёт в том времени, когда мы ещё были вместе. Он не помнит ни нашего расставания, ни Гульнару, ни её беременность.

Ноги сами несут меня вверх, в гинекологическое отделение. Я сама не понимаю, зачем иду к Гульнаре. Наверное, должна сказать ей о состоянии Наиля. Или просто не могу оставить её одну в такой ситуации.

Открываю дверь её палаты. В комнате тихо, лишь слышно равномерное гудение медицинской аппаратуры. Гульнара лежит на кровати, уставившись в окно пустым, невидящим взглядом. Её лицо бледное, глаза, опухшие от слёз.

— Гульнара, — тихо зову я, подходя к её кровати.

Она медленно поворачивает голову. Её взгляд задерживается на мне, и в нём нет ни капли прежней уверенности, только пустота и горечь.

— Ты, наверное, рада, что с нами так произошло? — её голос тихий, но в нём слышится ядовитая искорка. Она смотрит на меня исподлобья, словно ожидая подтверждения своим словам.

Меня корбит от её тона, но я понимаю, что она переживает страшное горе.

— Ты не в себе, — спокойно говорю я. — Как ты себя чувствуешь? Может, что-то принести тебе? Одежду, средства гигиены?

Она фыркает, и её лицо искажается гримасой презрения.

— Мне ничего от тебя не надо! — она почти шипит эти слова, сжимая край простыни пальцами. — Он мой, слышишь? Наиль мой! И больше не приходи сюда. Я тебе запрещаю.

Стою и смотрю на неё, на эту сломленную, но всё ещё пытающуюся бороться женщину. Ей не до меня, не до вежливости. Её мир рухнул в одночасье: она потеряла ребёнка, а человек, ради которого всё это было, даже не помнит её.

— Хорошо, — тихо говорю я. — Я поняла. Выздоровливай.

Разворачиваюсь и ухожу, оставляя её одну с её болью и гневом. Выхожу из палаты и понимаю, что дрожу. Эта встреча вымотала меня не меньше, чем разговор с Наилем.

Иду по коридору, и меня переполняют противоречивые чувства. Жалость к ним обоим смешивается с усталостью и осознанием полной бессмысленности всего, что происходит. Они оба несчастны по-своему, и я оказалась заложником этой ситуации.

Спускаюсь на первый этаж, выхожу из больницы и делаю глубокий вдох свежего вечернего воздуха. Пора домой. К дочке, ждущей маму и видящей во мне весь мир. К жизни, которая идёт вперёд, несмотря ни на что.

Глава 15

Наиль

Просыпаюсь с ужасной головной болью. Но не это причина моего пробуждения, а то, что мне снилось какая-то белиберда. Я словно тонул в чёрной смоле, а Алина пыталась меня вытащить, но чьи-то руки под жижей чёрной смеси тянули меня вниз. Я, как мог, сопротивлялся, но увы... Меня засосало, и я видел заплаканное лицо Алины перед тем, как чернота меня полностью проглотила.

— Хрень какая-то, — бурчу себе под нос, сжимая пальцами виски. Рана в голове даёт о себе знать, пульсируя болью в каждой точке. Пытаюсь присесть на кровати, но резкая боль пронзает голову, заставляя меня снова откинуться на подушку.

Больничные стены меня уже напрягают и давят. Я хочу домой. К моей жене. Но вспоминаю наш последний разговор, и её слова просто не укладываются в голове. Я не могу поверить в этот бред.

Лежу и смотрю в потолок, считаю трещинки в штукатурке. Каждая минута тянется как резина. Жду Алину. Должна же она прийти. Она же моя жена, не может оставить меня здесь одного.

Но время проходит, а её всё нет. На тумбочке молчит телефон, который мне выдали для связи с родными. Беру гаджет в руки, пытаюсь вспомнить номер Алины. Цифры путаются, в голове каша. Чёрт, эта проклятая амнезия.

Решаю позвать медсестру. Нажимаю кнопку вызова. Через несколько минут в палату заходит женщина в голубом халате.

— Что случилось? — спрашивает она, подходя ко мне.

— Не могу дозвониться до жены, — объясняю я, чувствуя себя беспомощным. — Помогите, пожалуйста, связаться с ней.

Медсестра берёт телефон, что-то ищет в записной книжке.

— Сейчас попробую, — говорит она и начинает набирать номер.

В этот момент дверь в палату открывается. Я оборачиваюсь, ожидая увидеть Алину, но на пороге стоит Гульнара. Она бледная и в больничной сорочке, держится за косяк двери, словно едва держится на ногах. Её лицо мокрое от слёз, но она пытается улыбаться.

— Привет, любимый, — её голос тихий и дрожащий.

Я хмурюсь. Что она здесь делает? И почему называет меня так?

— Привет, Гульнара, — осторожно отвечаю я. — Как ты? Всё в порядке?

Она подходит ближе, её рука тянется ко мне. Я инстинктивно отодвигаюсь, и в голове снова пронзает боль.

— Ты вспомнишь нас, мой любимый, — она говорит, и слёзы снова катятся по её щекам. — Знай, я тебя люблю всей душой. И мы справимся с трудностями.

Мне становится не по себе. Она говорит какие-то странные вещи.

— Гульнар, извини, но ты что-то путаешь, — пытаюсь объяснить я. — У меня есть жена, и я люблю её.

— Нет, любимый! — она качает головой, и её лицо искажается от боли. — Ты вспомнишь. Мы всё это время были вместе, и у нас должен был родиться малыш.

Она сжимает ткань сорочки на животе, и до меня доходит ужасная догадка. Но нет, этого не может быть. Она же просто подруга Алины.

— Вспомнишь, любимый, — продолжает она, и её голос звучит как-то неестественно. — Я всё сделаю для этого. А с Алиной вы уже давно развелись, и вас ничего не связывает. Понимаешь? Лю-би-мый.

Гульнара снова тянется ко мне. Её пальцы касаются моей руки. И меня охватывает дрожь. Я опять дёргаюсь, как ошпаренный. Всё это кажется бредом, кошмаром.

— Прости, любимый, я не хотела тебя напугать, — она убирает руку, видя мою реакцию.
— Скоро вернёмся домой, и там ты всё вспомнишь. Обещаю тебе.

Лежу и молча смотрю на неё. Она кажется мне сумасшедшей, сбежавшей из психушки. Каждое её слово вызывает во мне отторжение. Но спорить с ней сейчас бесполезно. Вижу, что Гульнара сама не в себе.

Решаю придерживаться своей тактики: не спорить, но и не поддаваться. Главное, дождаться Алину. Она всё расставит по местам.

— Мне нужно отдохнуть, — говорю я, отворачиваясь к окну.

Слышу, как Гульнара вздыхает, потом её медленные шаги удаляются к двери. Дверь закрывается, и я остаюсь один.

Закрываю глаза. Её слова эхом отдаются в голове: «малыш», «развелись», «любимый». Но это же невозможно. Я прекрасно помню, как сделал предложение Алине, как мы выбирали обручальные кольца, как переезжали в нашу первую квартиру. Эти воспоминания такие яркие и настоящие.

Или... или это всё действительно было давно? Чёрт, голова снова начинает раскалываться. Лучше не думать. Просто ждать Алину. Она придёт и всё объяснит.

Глава 16

Наиль

Дни в больнице сливаются в одно долгое, серое ожидание. Каждое утро я просыпаюсь с одной мыслью: сегодня Алина точно придёт. Прислушиваюсь к каждому шагу в коридоре, к каждому скрипу двери. Но проходит завтрак, обход врачей, обед, а её всё нет.

Я снова прошу медсестру помочь дозвониться. Она терпеливо набирает номер, ставит телефон на громкую связь. Слышу долгие гудки, а потом — автоматическое сообщение, что абонент недоступен. Иногда трубку просто не берут.

— Может, она занята, — говорит медсестра, глядя на меня с жалостью. — Попробуем позже.

Но «позже» ничего не меняет. Такое положение выводит меня из себя. Я начинаю раздражаться по пустякам, срываюсь на медперсонал, хотя понимаю, что они ни в чём не виноваты. Во мне растёт решимость поскорее выбраться отсюда.

Когда приходит доктор Волков, я пытаюсь с ним договориться.

— Я чувствую себя намного лучше, — говорю я, хотя голова всё ещё раскалывается. — Можно меня уже выписать? Долечусь дома.

Врач качает головой, просматривая мою карту.

— Наиль Рафисович, у вас серьёзная черепно-мозговая травма. Переломы рёбер тоже требуют наблюдения. О преждевременной выписке не может быть и речи. Вы должны понимать — это для вашего же блага.

Я откидываюсь на подушку, чувствуя себя в ловушке. Эти стены, запах дезинфекции, ощущение беспомощности — всё это меня угнетает.

И как по расписанию, дверь снова открывается. Входит Гульнара. Она приходит каждый день, всегда бледная, в больничной сорочке, но уже держится немного увереннее. Её визиты стали частью этого больничного кошмара.

— Привет, любимый, — говорит она тихо, подходя к кровати. — Как ты сегодня?

Её присутствие раздражает меня. Она ведёт себя так, словно между нами что-то есть, и мы пара. Но в то же время, глядя на её осунувшееся лицо, на тень боли в глазах, я чувствую что-то странное в груди. То ли жалость, то ли что-то ещё, чего я не могу понять. Это сбивает с толку.

Я никогда не смотрел на Гульнару как на женщину. Для меня она всегда была просто подругой Алины, весёлой и немного навязчивой. А сейчас она смотрит на меня с такой преданностью, что становится не по себе.

— Всё нормально, — сухо отвечаю я, отворачиваясь к окну.

Но она не уходит. Садится на стул рядом и начинает рассказывать о каких-то пустяках, о том, что показывали по телевизору, о вкусном киселе на обед. Говорит спокойно, ласково, словно пытается создать иллюзию нормальности. Иногда её слова заставляют меня улыбнуться, а потом я злюсь на себя за эту слабость.

Каждый её визит заканчивается одинаково.

— Ты обязательно всё вспомнишь, — говорит она уходя. — Я в тебя верю.

И после её ухода я остаюсь один на один со своими мыслями. Вспоминаю Алину. Её улыбку, её смех, как она прижимается ко мне во сне. Я так по ней скучаю, что иногда, кажется, сердце разорвётся. Эта неопределённость давит на меня, лишает сна.

Мы не могли развестись. Это просто невозможно. Я люблю её больше жизни, дышу ею. Без неё я — не я. Всё это должно оказаться страшным сном. Вот-вот я проснусь в нашей постели, обниму её, и всё встанет на свои места.

Но я не просыпаюсь. Я лежу в больничной палате, слушаю, как за стеной кто-то плачет, и жду. Жду, что дверь откроется и на пороге появится ОНА. Моя Алина. И тогда этот кошмар закончится.

От автора: сегодня действуют привлекательные скидки на все мои платные книги. Милости прошу, кого интересуем) <https://litnet.com/shrt/hpa4>

Глава 17

Алина

У меня сегодня выходной, и я стараюсь провести его максимально с дочкой. Мы вместе завтракаем, потом играем в её комнате, строим башню из кубиков. Амина смеётся, когда конструкция падает, и требует построить всё заново. Эти простые моменты с ней — лучшее лекарство от всех тревог.

— Мама, гулять? — спрашивает она, показывая пальчиком на окно. На улице светит солнце, и правда, хорошая погода для прогулки.

— Конечно, солнышко, — улыбаюсь я Амине. — Сейчас соберёмся и пойдём на площадку.

Начинаю собирать сумку: пару игрушек, воду, влажные салфетки. В этот момент раздаётся звонок телефона. Я бросаю взгляд на экран и замираю. Снова незнакомый номер. Скорее всего, опять из больницы.

Я устала от этих звонков. Устала объяснять медсёстрам, что не собираюсь больше приходить, и это не моя проблема. Внутри всё сжимается от раздражения. Рука сама тянется отключить вызов.

Но тут же появляется это противное чувство, эта внутренняя тревога. А вдруг с ним что-то случилось? Вдруг стало хуже? Мысленно ругаю себя за эту слабость. Всё кончено, Алина, давно кончено. Он тебе никто.

Телефон умолкает, но через секунду снова начинает звонить. Тот же номер. Настойчиво, надрывно. Амина смотрит на меня своими большими глазами, как будто чувствует моё напряжение.

— Мама? — тихо зовёт она.

Вздыхаю и сдаюсь. Нажимаю кнопку ответа, уже готовясь сказать, чтобы больше не беспокоили.

— Алло? — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал холодно и отстранённо.

Но в ответ слышу не голос медсестры. Тихий, хриплый и до боли знакомый голос приносит моё имя.

— Алина... это я.

У меня перехватывает дыхание. Я не ожидала, что он сможет позвонить сам.

— Привет... — неуверенно отвечаю я.

— Алина, пожалуйста... — его голос прерывается, и я слышу, как тяжело ему говорить. — Приди ко мне. Прошу тебя. Мне надо тебя увидеть и поговорить.

В его словах столько боли и отчаяния, что моё сердце сжимается. Наиль умоляет, почти шепчет. И в этом шёпоте слышны все его страдания.

Я кусаю губу, глядя в окно. Во мне борются два чувства: желание сохранить дистанцию и эта чёртова жалость, которая не даёт мне покоя.

— Наиль... — начинаю я, но он перебивает меня.

— Я не понимаю, что происходит, — говорит он, и его голос дрожит. — Где ты? Почему тебя нет? Я не верю, что мы развелись. Это неправда, да?

В его тоне столько искренней растерянности и надежды, что мне становится ещё тяжелее. Но я понимаю, что так продолжаться не может. Он должен принять правду, какой бы горькой она ни была.

— Хорошо, — тихо говорю я, принимая решение. — Я приду. Сегодня.

— Правда? — в его голосе появляются нотки облегчения.

— Да. Но нам нужно серьёзно поговорить.

— Спасибо... — он выдыхает, и связь обрывается.

Опускаю телефон и смотрю на свои дрожащие руки. Всё, хватит. Пора положить конец этим мучениям, его, и своим. Сегодня я всё ему скажу. Чётко и ясно.

Подхожу к шкафу, где храню важные документы. Нахожу синюю папку и открываю её. Среди страховых полисов и свидетельства о рождении Амины лежит тот самый документ: «Свидетельство о расторжении брака». Беру бумагу в руки. Пусть Наиль сам увидит всё своими глазами. Может быть, тогда до него, наконец, дойдёт.

— Мама, гулять? — снова спрашивает Амина, дёргая меня за штанину.

— Конечно, родная, — наклоняюсь и беру её на руки. — Сначала погуляем, а потом... потом маме нужно кое-куда зайти.

Она доверчиво обнимает меня за шею, и мне становится немного спокойнее. Я делаю это не только для него, но и для себя. Чтобы, наконец, закрыть эту главу своей жизни и жить дальше.

Глава 18

Алина

Мы с Аминой всё-таки выходим на прогулку, солнце светит по-настоящему по-летнему, пригревает кожу, но внутри у меня остаётся холодный, тяжёлый ком. Я стараюсь сосредоточиться на дочке, качаю её на качелях, подталкиваю с горки. И звонкий смех дочери на секунду прогоняет мрачные мысли, но они возвращаются, как только Амина убегает к песочнице.

А я сижу на скамейке, крепко сжимая в руках сумку. Внутри неё лежит синяя папка. И сумка будто накаляется, становясь невыносимо тяжёлой.

После площадки я отвожу Амину к матери, придумывая историю о срочных делах, и мама, видя моё напряжённое лицо, ничего не спрашивает, а просто берёт дочку на руки и говорит, чтобы я не торопилась. По дороге в больницу я гляжу в окно такси. Город мелькает размытым пятном: ни людей, ни машин, ни зданий. Только мысли, которые кружатся вокруг одного: как начать разговор, что сказать, как сохранить спокойствие, когда внутри всё дрожит.

Подъезжая к больнице, я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, пытаюсь вернуть себе хоть каплю спокойствия, но сердце всё равно колотится где-то в горле. В палату я вхожу с тем же выражением лица, с каким когда-то шла на сложные переговоры, — собранным и отстранённым. Наиль лежит, уставившись в потолок, и поворачивает голову ко мне. В глазах Наиля вспыхивает луч надежды. Это настолько ярко и чисто, что мне становится больно. Он пытается подняться. Лицо бледное, осунувшееся. Пальцы дрожат, сжимая край одеяла.

— Ты пришла, — говорит он хрипло, и его голос, всё ещё слабый, звучит так, будто он выиграл в лотерею.

Наиль протягивает ко мне руку, но я делаю шаг в сторону, к окну. И рука бывшего медленно опускается, а в глазах появляется та самая растерянность, которая сводит меня с ума. Я начинаю говорить, и слова выходят жёсткими, как я и планировала.

— Так больше продолжаться не может. И тебе нужно принять реальность и двигаться дальше. Я не могу и не хочу постоянно возвращаться в это место.

Он слушает, не перебивая, но смотрит на меня так, будто я говорю на незнакомом языке, с лёгкой улыбкой непонимания.

— Алина, хватит, не надо этих разговоров. Я же всё помню, мы же договорились... — Наиль перебивает на полуслове. И в его тоне слышны прежние, почти непринуждённые нотки, будто мы просто поссорились, и сейчас всё наладится. И вот тогда я понимаю, что слов действительно недостаточно.

Молча, чувствуя, как холодеют кончики пальцев, я расстёгиваю сумку, достаю синюю папку и вынимаю оттуда сложенный лист. Я разворачиваю его, подхожу к кровати и протягиваю ему.

— Вот, посмотри сам, — говорю я тихо, и мой голос вдруг срывается.

Наиль берёт бумагу нехотя, с тем же недоумением, и я вижу, как его глаза бегают по строчкам, сначала быстро, потом медленнее, он как будто перечитывает одно и то же снова и снова. Сначала его лицо просто выражает непонимание, потом на нём появляется тень сомнения, и лишь потом, будто тяжёлая волна, накатывает осознание.

Его рука с документом медленно опускается на одеяло, и он отворачивается к стене, но я всё равно успеваю заметить, как всё его существо, всё его недавнее оживление, разом уходит, сменяясь пустотой. Он не кричит, не раздражается, а просто замирает. И эта тишина оказывается громче любого крика. Стоя у его кровати, вдруг с абсолютной ясностью понимаю, что только что собственными руками разрушила мир иллюзий, в котором существовал Наиль. И теперь передо мной просто сломленный, бесконечно уставший человек. И никакого облегчения я не чувствую, только тяжёлую, унылую пустоту, будто я только что закопала что-то важ-

ное, и теперь на душе осталась лишь холодная, безжизненная земля. И всё, что я переживала тогда, вновь возвращается, придавая ужасный привкус горечи.

Глава 19

Алина

Я стою у его кровати, вся сжавшись внутри от этой тишины, и вдруг он медленно поворачивает ко мне лицо. Оно серое, безжизненное, и глаза смотрят куда-то сквозь меня.

— Расскажи мне как есть, — хрипло говорит он, откидываясь на подушку. Он так смотрит, что уже готов к самому плохому. — Я и правда ни черта не помню. И поверить не могу в происходящее, — произносит он с горечью и отчуждением, и в голосе бывшего нет ни капли того наигранного оптимизма, что был раньше.

И я начинаю. Говорю ровно, без эмоций, как будто зачитываю протокол. Рассказываю, как однажды мне позвонила взволнованная Гульнара, сказала, что она сильно приболела и не выйдет на работу. Я, думая, что подруга сильно болеет, бросилась на помощь, поехав к ней домой. Тот роковой день всё убил между нами, хотя я тогда ещё этого не знала.

— Когда поднялась к Гульнаре, дверь была приоткрыта, и я зашла, услышав из спальни странные звуки...

И я вынужденно переживаю то время, когда узнала о предательстве Наиля. Душевная боль уже не так сильна, как в тот день, она притупилась, превратилась в ноющую тяжесть на дне сознания. Но я стойко продолжаю, глядя Наилу в глаза. Рассказываю, как зашла в комнату и увидела их вместе. Как мой любимый муж и лучшая подруга занимались сексом, и им было настолько не до посторонних, что даже не сразу заметили моё присутствие.

Слушая меня, Наиль хмурится и резко хватается за голову, лицо его искажается от внезапной боли. Он явно испытывает приступ головной боли. Я замолкаю, прекращая свой рассказ на полуслове, и делаю шаг вперёд, к кровати.

— Всё нормально? — тихо спрашиваю я, и во мне просыпается старая, ненужная тревога.

— В норме, — он отмахивается, опуская руку. Лицо у Наиля всё ещё бледное. — Продолжай.

И я продолжаю, но уже без тех страшных подробностей.

— После этого ты признался, что любишь Гульнару, и давно хотел в этом мне признаться. Что наша жизнь вместе тебе в тягость. И после твоего признания я незамедлительно подала на развод. И нас развели. Ты ушёл к Гульнаре, а я осталась в нашей старой квартире, — сознательно опускаю главное — не говорю бывшему, что была уже беременна, и не говорю ни слова о нашей дочери, Амине. Эта та правда, которую решила оставить при себе, потому что не планирую больше никакого общения с Наилем. Возможно, это наша последняя встреча, и незачем ворошить то, что может связать его с нами снова.

Наиль молчит, уставившись в окно, переваривает мой скупой, жестокий рассказ. Бывший муж сидит неподвижно, и только пальцами судорожно теревит край одеяла. Потом он издаёт какой-то странный, сдавленный звук и охрипшим голосом спрашивает:

— Когда это... Когда это произошло? Сколько прошло времени?

— Три года назад, — отвечаю я.

— Блять! — вырывается у него, он с силой трёт ладонью лицо, будто пытается стереть с себя эту реальность. — Не могу никак в это поверить, хоть ты меня убей, Алин. Не могу! Ну, не мог я такое сделать с тобой и с нашим браком! — Голос его срывается. — Словно я попал в другую параллельную реальность. И это пиздец, как меня вымораживает.

Он замолкает, тяжело дыша, а потом поднимает на меня взгляд, полный отчаяния и надежды одновременно.

— Алина, если это и правда было, то я прошу прощения и даже не знаю, что сделать, чтобы ты простила. Ты бы смогла простить и начать заново?

Я смотрю на него, не веря своим ушам. Во мне всё замирает.

— Что? — это единственное, что я могу выговорить.

— Пожалуйста, Алина, давай начнём сначала. Я честно, никак не могу понять, как я мог такое сотворить. У меня в голове это просто не укладывается. Я просто не мог это сделать и никогда. Ты же вот здесь, — он слегка хлопает себя ладонью в грудь, со стороны сердца. — И никогда не смогу тебя разлюбить. Даже не представляю, откуда взялась между нами Гульнара. Она сюда приходила, и я ни хера не помню и тем более не чувствую к ней. Только помню, что она твоя подруга и вы вместе работаете.

— Работали, — поправляю я его автоматически, всё ещё находясь в ступоре от его предложения.

— Что? — не понимая переспрашивает он.

Но я уже пришла в себя. Внутри всё сжимается в холодный, твёрдый ком.

— Ничего уже. Знаешь, Наиль, ты, может, и потерял память, но я — нет. То унижение, которое ты на меня обрушил, никогда не забуду, — тихо произношу Наилью, стараясь очень чётко, глядя ему прямо в глаза. И только хочу сказать, что я сюда больше не приду и не сто́ит искать со мной встреч, как в этот самый момент дверь в палату со скрипом открывается. И на пороге, как живое воплощение всего нашего кошмара, стоит Гульнара.

Глава 20

Алина

Я застываю на месте, глядя на Гульнару в дверном проёме. Она стоит с подносом, на котором аккуратно расставлены тарелки с едой.

Гуля не замечает меня сначала, её взгляд прикован к Наилю.

— Наиль, я принесла тебе поесть, ты почти ничего не ел с утра... — Гульнара начинает говорить, но вдруг её взгляд останавливается на мне и резко замолкает. Улыбка сползает с лица бывшей подруги, сменяясь мгновенной настороженностью, а потом и холодной вежливостью. — Алина. Какая неожиданность, — произносит с фальшивой учтивостью.

Я не отвечаю. Просто смотрю на бывшую подругу, и всё внутри меня леденеет. Вижу, как она оценивающе скользит взглядом по мне, потом переводит на Наиля, пытаюсь понять, что здесь происходило до её прихода. В воздухе повисает тяжёлое, невыносимое молчание.

Наиль смотрит на Гульнару, и я вижу, как его лицо становится совершенно пустым. В его глазах нет ни признания, ни тепла, только растерянность и какое-то отдалённое любопытство, будто он видит незнакомку.

— Ты... — медленно говорит Наиль, и его брови сдвигаются на переносице.

Гульнара вспыхивает, её щёки покрываются лёгким румянцем, и она делает шаг вперёд, подходя к столу, что стоит у окна.

— Конечно, я, — говорит она, стараясь, чтобы голос звучал мягко и естественно, но у неё это плохо получается, слышна фальшь. — Я же говорила, что вернусь к вечеру. Вот, принесла тебе домашней еды. Попросила свою тётю сварить бульон. Ты же так любишь куриный суп. Особенно который я варила.

Гульнара подходит к тумбочке рядом с Наилем и ставит тарелку, её движения резкие, вымученные, неуклюжие. Она старается казаться спокойной, будто у неё всё в порядке. Будто она женщина Наиля, которая заботится о своём мужчине. А я... я просто гость, нарушивший их идиллию.

— Алина рассказывала... — начинает Наиль объясняться, и его голос звучит глухо, — она рассказывала нам кое-что... О нас.

Рука Гульнары замирает в воздухе с тарелкой «куриного супа». Она медленно поворачивается ко мне, и в глазах бывшей подруги вспыхивает неподдельная злость.

— И что же такого интересного ты ему наговорила? — спрашивает она, и её тон становится колким, ядовитым. — Снова решила всколыхнуть прошлое? Напомнить Наилю, как всё было плохо? Ему сейчас нужен покой, а не твои воспоминания.

Чувствую, как сжавшиеся внутри меня пружины начинают медленно разжиматься. Я не хочу этого разговора, не хочу ссориться с этой женщиной, не хочу вообще ничего, кроме как исчезнуть отсюда. Гульнары, её дерзкая претензия на меня и нашу жизнь с Наилем заставляют меня ответить. А ведь в день аварии умоляла меня не оставлять её. Быстро она меняет маски, превращаясь из жертвы в агрессора.

— Наиль спросил. Я ответила, — говорю ровно, всё ещё глядя на неё. — Он имеет право знать...

— Знать, что? — язвительно усмехается Гуля, ставя другую тарелку на тумбочку с таким стуком, что Наиль морщится. — Твою версию событий? Ты всегда всё перевернула в свою пользу.

Я не устаиваю её ответом, а смотрю на Наиля. Бывший переводит взгляд с Гульнары на меня, его лицо выражает полное замешательство. Наиль не помнит ни её за последние годы, ни тех страстных чувств, которые, по словам бывшего мужа, когда-то его охватили. Для Наиля,

Гульнара сейчас чужая, агрессивная женщина, ворвавшаяся в палату и нарушавшая наш тяжёлый, но важный разговор.

От этой «семейной идиллии» у меня поднимается волна тошноты.

— Ладно, не буду вам мешать. Я пойду, — забираю у Наиля свидетельство о разводе и уверенно направляюсь на выход из палаты, подальше от этой парочки, которая в прошлом немало попила мне крови. Всё, хватит с меня! Это уже

— Алина, подожди... — произносит Наиль, но его голос тонет в более громком голосе Гульнары.

— Да, иди, — говорит она, подходя к кровати и поправляя одеяло у Наиля властным, собственническим жестом. — Ему действительно нужен отдых. А не выяснение отношений.

Этот жест, эта интимность, на которую она якобы имеет право, становятся последней каплей. Я вижу, как Наиль отстраняется от её прикосновения, и его лицо искажается гримасой неподдельного раздражения.

— Хватит! — громко и чётко говорит он Гульнаре. — Хватит уже со мной нянчиться!

Гульнара замирает, поражённая, и на её лице появляется обида. Пожимаю плечами, поворачиваюсь и подхожу к двери. Мне нечего здесь больше делать. Я сказала всё, что хотела, и положила конец.

— Алина! — снова зовёт Наиль, и в его голосе слышна паника. — Пожалуйста, останься!

Останавливаюсь в дверях не оборачиваясь. Рука уже лежит на металлической ручке, она холодная, как и внутри меня. Что он хочет? Что ещё он может мне сказать?

— Пожалуйста, — повторяет он тише, и я чувствую, как в его голосе сквозит мольба. — Гульнара, выйди, пожалуйста. Мне нужно поговорить с женой наедине.

Гульнара смотрит на Наиля, её лицо искажено смесью ярости и недоумения. Она явно не ожидала такого поворота. Её выгоняют, унижают перед той, кого она считала побеждённой.

— Прощай, Наиль, — говорю я и выхожу в коридор, тихо прикрывая за собой дверь. Последнее, что я слышу, это его сдавленное «нет» и резкий, раздражённый голос Гульнары, начинающий что-то говорить.

Я иду по коридору, и на этот раз меня не охватывает пустота. Вместо неё внутри появляется странное, холодное спокойствие. Всё кончено. Окончательно. Я дала ему правду и закрыла дверь. Теперь могу идти домой. К своей дочери и к своей привычной жизни.

Но мои планы рушатся в одночасье, когда выхожу из больницы и ко мне подходит тётя Гульнары. И рассказывает такое, отчего волосы на голове шевелятся и... сердце замирает.

Глава 21

Алина

Выхожу из больницы, и свежий воздух обжигает лёгкие после больничного спёртого запаха. Я почти физически ощущаю потребность стряхнуть с себя всё это — его взгляд, его голос, появление Гульнары. Хочу просто дойти до машины, уехать и забыться.

Но мои планы рушатся, когда я замечаю знакомую фигуру, прислонившуюся к фонарному столбу неподалёку. Это тётя Зифа, родная тётушка Гульнары. Худошавая, невысокого роста женщина, в волосах которой стало намного больше седины, чем я помню. Её лицо всегда мне нравилось — открытое, гостеприимное, часто озарённое весёлой улыбкой. Сейчас оно выглядит усталым и озабоченным.

— Здравствуй, Алина. Очень рада тебя видеть, — говорит она, отталкиваясь от столба и подходя ко мне. В голосе женщины звучит неподдельная теплота, и не могу быть с ней холодной, несмотря на то, чья родственница.

— Здравствуйте, тётя Зифа, — отвечаю я, и на мгновение моё лицо тоже освещает улыбка. — Давно не виделись.

Она принимается расспрашивать о моих делах, о жизни, о работе. Я отвечаю сдержанно, стараясь не раскрывать подробностей, чувствуя, что это лишь прелюдия. И предчувствие не обманывает: спустя несколько мгновений маска беззаботности спадает, и в глазах гаснет последний отблеск веселья.

— Алина, у меня к тебе очень важный разговор есть, — говорит она, понизив голос. — Ты бы могла мне уделить время? Если сегодня не получится, то можем встретиться на нейтральной территории или у меня, чай попьём.

Молчу, не торопясь с ответом, и внимательно вглядываюсь в лицо тётушки. Она кажется искренне опечаленной и серьёзной. Я не вижу в ней ни капли вражды или лукавства, только беспокойство. Хотя, конечно, Гульнара — её племянница, и как не беспокоиться о родственнице.

— Спасибо за приглашение, но у меня свободное время только по выходным, — наконец отвечаю я. Я пока не готова к этому разговору и примерно представляю, о чём он может быть.

— Я не тороплюсь. Но очень жду тебя. Я каждый день дома, милости прошу в гости. Что ещё пенсионерке делать, — она как-то горько усмехается, и это печальное выражение на её всегда весёлом лице вызывает у меня странную тревогу. Мы прощаемся, и я ухожу, стараясь выбросить эту встречу из головы.

На несколько дней я полностью погружаюсь в быт и воспитание дочки. Вечерами, укладывая Амину, смотрю на её сонное личико и не могу не думать о Наиле. У неё его глаза отца. Тот же разрез, тот же редкий оттенок серо-зелёного. Эти мысли возвращают меня к сообщениям бывшего мужа, которые он упорно продолжал присылать. Сначала это были просьбы ответить, потом длинные письма.

Наиль пишет, что не понимает, как и зачем мог меня предать.

Наиль безумно любит меня... То есть свою жену. И не может смириться с тем, что когда-то предпочёл мне другую. Наиль умоляет о прощении и предлагает начать всё сначала. Я не отвечаю, но вижу, что он знает о прочтении сообщения. И Наиль не сдаётся, продолжая слать сообщения.

Потом он рассказывает о своём лечении. Говорит, что идёт на поправку, но выписка будет нескорой. Потому что некоторые травмы серьёзные и требуют времени на восстановление. И, что примечательно, Наиль ни разу не упоминает Гульнару. Ни одного слова о ней.

Именно тогда я и вспоминаю о тётё Зифе и своём обещании зайти к ней. Через два дня (в мой выходной), я оставляю Амину с мамой и еду к ней. Она живёт неподалёку, в старинном квартале, так что дорога занимает не так много времени.

Зифа встречает меня с той же теплотой, что и у больницы, суетливо приглашает в дом, хвалит торт, который я прихватила с собой. Мы садимся на кухне за чай, но я чувствую, что эта обыденность лишь тонкая ширма. Тётушка нервничает, переставляет сахарницу, поправляет скатерть, и глаза женщины избегают моих.

Вдруг Зифа не выдерживает и, поставив чашку, с грохотом, начинает говорить, что я предпочла бы забыть.

— Ты должна знать, Алина, что я не разделяю поступки моей племянницы, как бы ни любила Гульнару, — говорит тётя Зифа, глядя куда-то в сторону окна. — Но, пожалуйста, выслушай всё, что я тебе расскажу, и попробуй отнестись к этому серьёзно. И если не помочь, то будет ещё хуже, чем сейчас.

Лёгкий испуг шевельнулся во мне.

— Вы о чём? — спрашиваю я, и мой голос звучит тише, чем я хотела бы.

Зифа отводит виноватый взгляд и тяжело вздыхает, будто готовясь поднять непосильную ношу.

— Я про мою непутёвую племянницу. И про то, что она сделала. То, что она увела у тебя мужа, это ещё цветочки, Алина. Ягоды уже пошли, и я боюсь, будет ещё хуже.

Я сижу в полном шоке, и понемногу мой испуг сменяется раздражением. Она говорит загадками, и это накручивает меня ещё сильнее, заставляя думать о самом плохом.

— Пожалуйста, только не воспринимай это слишком серьёзно. Обещай мне, — Зифа смотрит на меня умоляюще, и у неё на глазах наворачиваются слёзы. Её руки дрожат, когда она поправляет салфетку. Что же такого произошло, отчего эта всегда уравновешенная и весёлая женщина стала на себя не похожа?

— Тётя Зифа, пожалуйста, просто скажите, — прошу я, уже не в силах терпеть это напряжение. — О чём вы?

Она глубоко вдыхает, собираясь с духом, и её следующий вопрос повергает меня в полный ступор.

— Алина, ты уверена, что авария, в которой пострадал твой... В общем, что авария была просто несчастным случаем?

Глава 22

Алина

Я смотрю на Зифу с хмурым, непонимающим взглядом, мой мозг отказывается обрабатывать её слова. Что она имеет в виду? Я поняла со слов врача, что не справилась с управлением. Стандартное ДТП, когда отвлекают пассажиры.

Но Зифа начинает говорить дальше, и в её голосе слышны такая боль и отчаяние, что я невольно замираю слушая.

— Это началось давно, — выдыхает она, глядя в свою чашку. — Гульнара изменилась, стала какой-то раздражительной и замкнутой. Она стала реже приходить ко мне, хотя я, единственная родственница. Именно я воспитывала Гулю после смерти её матери. Всё это время считала своей дочерью и знала о ней всё. Но вдруг Гуля замкнулась, будто не хотела со мной общаться.

Зифа делает глоток холодного чая, и её рука заметно дрожит.

— И в один день она пришла ко мне со слезами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.